

МАРГАРИТА
АБРАМОВА

Маргарита Абрамова
Враг моего Мужа

«Литнет»

2026

Абрамова М.

Враг моего Мужа / М. Абрамова — «Литнет», 2026

Кассия хотела любви. Получила предательство. Она умерла от рук мужа-изменщика, которого боготворила. Но смерть стала для неё не концом, а началом. В ней проснулся древний дар и теперь она может вернуться в прошлое, переигрывать судьбу, изменить будущее. Она возвращается в день собственной свадьбы. И в этот раз она сделает всё иначе. Она не скажет «да» ему. Она скажет «да» его врагу. Тёмному магу. Изгнаннику. Мужчине, которого все боятся. Он согласится защитить её. Но цена будет выше, чем Кассия ожидала. История пишется в рамках Литмоба «Прошлые (не) изменить!»

© Абрамова М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Визуализация	7
ГЛАВА 1. ЗНАК	11
ГЛАВА 2. Не делай трагедии...	16
ГЛАВА 3. Смерть нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...	20
ГЛАВА 4. Вздумала меня обмануть?	27
ГЛАВА 5. Бесценный совет	31
ГЛАВА 6. Ты не получишь ничего	35
ГЛАВА 7. Время — река	43
ГЛАВА 8. Никто тебя не защитит	47
ГЛАВА 9. Побег	50
ГЛАВА 10. Пойманная птичка...	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

ПРОЛОГ

КАССИЯ

— Ненавижу тебя!

Слова вырвались из груди вместе с хриплым, надорванным выдохом. Горечь подступала к горлу, сдавливала его так, что невозможно было дышать. Я сдерживала подкатывающие к глазам слезы из последних сил. Я не заплачу. Не перед ним. Не сегодня. Больше ни из-за одного мужчины. Клянусь своей разбитой жизнью — больше никогда!

Алый закат заглядывал в комнату через высокие стрельчатые окна, окрашивая всё в цвет крови — стены, пол, его лицо. Свет умирающего дня разлился по кабинету тягучим багрянцем, будто сама природа готовилась к тому, что должно было случиться.

Сегодня прольётся чья-то кровь.

Тени удлинялись, сползали по углам, прятались под мебелью, за шторами, в складках тяжелого бархата. Воздух стал плотным, вязким, его парфюм чувствовался еще отчётливее, проникал в мои легкие, заставляя тело дрожать.

— В этот раз ты не сможешь ничего изменить, — его голос звучал ровно и спокойно.

Черные глаза смотрели пристально, прожигали насквозь, добирались до самого дна, где ещё теплились осколки моей души. Темный, злой блеск рождался где-то в глубине этих глаз и утягивал в омут. Медленно и неотвратимо.

Как я могла поверить? Снова. Ещё раз обмануться после всего, что было...

А теперь я стою здесь и снова смотрю в глаза тому, кому доверилась. Тому, кто обещал защиту.

— Ты хуже, чем он.

Он не отвел взгляда. Не сказал ни единого слова, чтобы оправдаться или объясниться. Он стоял напротив — высокий, надменный, неуязвимый в своей черной рубашке, с этими вечными тенями под глазами, а на его губах застыло выражение, которое я так хорошо изучила за эти месяцы — полуусмешка, полупрезрение, смесь усталости и превосходства.

— Я с самого начала предупреждал тебя об этом.

Без тени сожаления ухмыльнулся, разбивая вдребезги мое глупое сердце.

Как я могла быть такой душой? Как могла принять цинизм за честность, холодность за сдержанность, равнодушие за внутреннюю боль?

Да, дара больше нет. Я чувствовала пустоту внутри. Там, где раньше пульсировало время, где бился тот самый странный ритм, который позволял мне возвращаться, переигрывать, выживать, теперь была тишина.

Я пуста. Это последний раз, и каждая минута может оказаться последней.

— Все ради мести?

— Да.

Я смотрела в его черные глаза и искала там хоть каплю сомнения, тень чувства, которое он не смог бы скрыть. Ничего. Только тьма.

— Я не верю, — выдохнула я. Глупо, да? После всего, что он сказал, после всего, что я видела, после того, как он разрушил последнюю надежду. Но я не могла поверить. Не могла принять, что снова ошиблась.

Как же его дыхание на моей шее, его шепот в темноте... Всё это было ложью.

— Должно быть что-то ещё... Что-то, чего я не понимаю.

— Нет, Кассия. Я просто использовал тебя. Ты сама пришла ко мне. Сама предложила сделку. Сама легла в мою постель. Я ничего не обещал, кроме защиты. И я дал её тебе.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то обрывается.

Он бросил равнодушно взгляд в окно, сел в свое кресло, закидывая ногу на ногу.

Рука скользнула к бедру, где под платьем был спрятан кинжал. Мои пальцы нащупали холодную рукоять, сомкнулись на ней. Не зря я тренировалась столько времени.

Рывок. Острое лезвие оказалось у его шеи. Там, где недавно касались мои губы... Нет. Не вспоминать.

Я нависла над ним, чувствуя, как дрожит рука от напряжения. Я вжимала кинжал так сильно, что на светлой коже выступила тонкая алая полоска.

Шрам на его скуле чуть сжался от ухмылки. Будто тоже насмехался надо мной, как и его обладатель. Как будто он знал: я не смогу. Как будто он был уверен, что я снова сломаюсь, опущу руку. Снова поверю... снова прощу.

Кровь стекала по его шее, по моим пальцам, сливаясь с отблесками заката. Рука дрожала всё сильнее. Не от ярости. Не от ненависти. От чего-то другого, чего я не хотела в себе признавать.

— Я предупреждал. Я говорил тебе с самого начала. Я — не герой. Я — чудовище. Ты сама пришла к монстру.

Визуализация

Приветствую в своей новой истории!

Всех нас хоть раз посещала мысль: «А что, если бы я тогда поступил иначе?» Что, если бы можно было вернуться в тот самый день, час, мгновение и все исправить?

Героине предоставится такая возможность!

Это будет увлекательно, присоединяйтесь!

Любовь, ненависть, ложь и доверие, нежность и страсть...

ГЛАВА 1. ЗНАК

Кассия

Колесо подпрыгнуло на камне, потом еще раз — и повозка жалобно скрипнула, накренившись на правый бок. Я едва не ударилась головой о стенку, успев выставить руку.

— Твою ж... — возница спрыгнул на землю, ругаясь сквозь зубы, — Леди, простите великодушно, ось полетела.

Я выглянула из повозки. Вечер опускался на столицу быстро, как это бывает ранней осенью — только что светило солнце, и вот уже фонарики зажигают огни, а тени становятся длинными и густыми.

Я посмотрела по сторонам, улыбаясь. Прямо напротив, через дорогу, горели теплым светом витрины антикварной лавки. Филипп коллекционировал статуэтки — маленькие бронзовые фигурки диких животных.

— Ничего. Я уже не тороплюсь.

Похоже, это знак, что я не должна была ехать к тете сегодня. Значит, судьба велит купить мужу подарок.

Я расплатилась с возницей, велев ему чинить колесо без спешки, и направилась через дорогу. Колокольчик над дверью звякнул приветливо.

Я пробралась между этажеркой с фарфоровыми куклами и горкой старых книг к прилавку, за которым дремал старик с длинной седой бородой.

— Добрый вечер, — позвала она тихо.

Старик открыл глаза. Посмотрел на меня так внимательно, что даже стало не по себе. Будто видел не просто молодую женщину, а что-то за ней. Я проследила за его взглядом, оборачиваясь, но там не было ничего особенного. Может, что привиделось спросонья?!

— Ищете что-то, милая? — голос у него оказался скрипучий, но не злой.

— Муж коллекционирует статуэтки. Животные. У вас есть что-то особенное?

Старик крикнул, поднялся и поковылял вглубь лавки. Я слышала, как он ворчит, как шуршит чем-то, и позвякивает металлом.

Вернулся он с маленькой коробочкой в руках. Поставил на прилавок, откинул крышку.

На бархатной подушке лежал бронзовый волк с драгоценными камушками-глазками. Он стоял, подняв морду к небу, будто воя на луну.

— Изумительный, — выдохнула, дотрагиваясь до металла, — А почему у него такая странная шерсть?

— Символизирует волка в овечьей шкуре.

Я кивнула. Не только красиво, но и со смыслом, уверена, что Филипп оценит.

— Сколько?

Старик назвал цену. Дорого. Но я представила счастливое лицо мужа, когда он показывал ей свою коллекцию, вспомнила, как он гладил каждую фигурку, и решила.

— Беру.

Мужчина заворачивал покупку медленно, с какой-то торжественностью. А когда протянул мне свёрток, вдруг сказал:

— Берегите себя, милая. Не все знаки — добрые.

Я удивилась, но переспрашивать не стала. Мало ли чудаковатых стариков в лавках?

Я вышла на улицу счастливая, держа подарок под мышкой. Возница уже починил колесо. Через полчаса я буду дома. Буду ужинать с любимым мужем. А перед тем смотреть, как он распаковывает подарок раньше времени, потому что я не умею хранить секреты. Да и зачем откладывать делать приятное?!

Это куда лучше вечера в компании кумушек, обсуждающих последние сплетни.

Неделя после свадьбы была лучшей в моей жизни.

Я просыпалась каждое утро в руках мужа. Филипп обнимал меня во сне, прижимал к себе, будто боялся потерять. Вдыхала запах его парфюма, слушала ровное дыхание и думала: «Я самая счастливая женщина в королевстве».

Мы завтракали вместе. Он сам наливал мне чай, поправлял выбившийся локон, целовал в висок перед уходом на службу. Он начальник Тайной канцелярии — самый молодой за всю историю. Важный, занятой, но для меня у него всегда находится время.

Вечерами мы гуляли в саду. Филипп рассказывал смешные истории о своих подчинённых. Я смеялась, прижималась к его плечу и чувствовала себя под защитой.

Отца не стало три месяца назад. Мы перенесли свадебную церемонию на месяц, чтобы выждать положенный траур. Филипп не дал впасть в уныние, окружил заботой и теплом. Он просто был со мной. Привозил цветы, сидел рядом, когда я плакала, держал за руку на похоронах. Он окружил меня заботой и теплом так плотно, что я постепенно начала оттаивать. Начала снова улыбаться. Начала верить, что жизнь продолжается.

Мне хотелось отдавать что-то в ответ, делать для него что-то приятное, даже такие незначительные мелочи наподобие этой статуэтки. Счастье же в мелочах.

Дом встретил меня тишиной и теплом. В прихожей горел камин, пахло яблоками и корицей — экономка знала, что я люблю этот запах. Я сбросила узкие туфли, повесила накидку на крючок и прислушалась.

Тихо.

— Милый, ты дома? — негромко позвала я с порога, но ответа не было.

Скорее всего, опять пропадает в кабинете. У него слишком много дел. Я улыбнулась своим мыслям, представила, как он сидит за столом, склонившись над бумагами и хмурит лоб. Таким я любила его особенно — сосредоточенным, серьезным, чуть уставшим.

Я направилась на второй этаж. На лестнице что-то блеснуло под ногами. Я наклонилась и подняла серебряную заколку — тонкую, изящную, с маленьким сапфиром. Покрутила в пальцах, рассматривая.

Вивиан. Вчера она заезжала «проведать молодых», пила с нами чай, примеряла мои украшения. Похоже, обронила. Надо будет вернуть при следующей встрече.

Я сунула заколку в карман и пошла дальше. Коридор второго этажа тонул в полумраке — лампы не горели, только из чуть приоткрытой двери кабинета пробивалась узкая полоска света.

Я улыбнулась. Точно, он там.

Подошла ближе, уже придумывая, как войду — тихо, чтобы напугать, или, наоборот, громко, с порога: «Сюрприз!» — и тут же замерла.

Из-за приоткрытой двери доносились звуки.

Сначала я не поняла, что это. Какие-то ритмичные удары, тяжелое дыхание, приглушенные голоса. Подумала, может, Филипп тренируется с мечом? У него в кабинете стояли учебные клинки. Но зачем тренироваться в такое время, да еще с кем-то?

Я сделала шаг ближе. Еще один. Прислушалась.

— Прогнись, — донеслось хриплое. Голос грубый и жесткий. Таким я его никогда не слышала, — Еще...

Кровь отхлынула от лица. Я замерла, боясь дышать.

— Я уже неделю на сухом пайке с этим бревном в постели, — продолжал тот же голос. Голос моего мужа, — Думал, сойду с ума от скуки. Наконец, она уехала в гости, задушила меня своим вниманием.

Потом женский смех — тихий, мурлыкающий. Я знала этот смех.

— Бедненький, — пропела Вивиан, — Как ты вообще выдержишь эту дурочку?

— Ради места в Совете можно и потерпеть, — Филипп усмехнулся. — Оно того стоит. Еще немного, и я получу ее голос. А потом можно будет и от бревна избавиться.

У меня потемнело в глазах. Статуэтка выскользнула из ослабевших пальцев и с глухим стуком упала на пол.

А ВОТ И НАШИ ПРЕДАТЕЛИ:

ПРЕКРАСНЫЕ СНАРУЖИ, НО ГНИЛЫЕ ВНУТРИ

ГЛАВА 2. Не делай трагедии...

Кассия

В кабинете мгновенно стихло.

Я смотрела на дверь и не могла пошевелиться. Ноги приросли к полу, руки тряслись, сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. В голове пульсировала только одна мысль: «Это неправда. Это сон. Сейчас я проснусь».

Но дверь распахнулась.

На пороге стоял Филипп. Рубашка расстегнута, волосы взлохмачены, на лице — не стыд, не раскаяние, а досада. Легкая, почти скупающая досада человека, которого отвлекли от приятного занятия.

Хотелось зажмуриться, прогнать наваждение.

За его спиной мелькнула тень женского силуэта. Вивиан не показалась, но я видела край шелка и ее обнаженную руку, лениво поправляющую волосы.

— Кассия, — сказал Филипп ровно, — Ты же должна была быть у тетушки до завтра.

Я открыла рот, но звук не шел. Только хриплый, чужой выдох.

— Что... что ты здесь делаешь? — наконец выдавила я. Ничего глупее спросить не могла...

Сейчас я чувствовала себя полной дурой.

Филипп устало вздохнул, тоже, по-видимому, оценивая мою умственные способности. Но я сейчас вообще не могла соображать. В голове стоял кисель. Густой, как готовит миссис Фруст...

И спроси меня что-то простое, что знает даже ребенок, не ответила бы.

— А на что это похоже, дорогая?

Вивиан все же выскользнула из-за его плеча. Она поправила свое фиолетовое платье, задержав руки на бедрах чуть дольше, чем требовалось, чтобы ткань легла идеально. Распущенные волосы цвета воронова крыла взбила пальцами, откидывая их назад, чтобы они легли на плечи тяжелыми волнами. Припухшие губы растянулись в улыбке. Не виноватой, не смущенной. Самодовольной.

Я смотрела на эту улыбку и вспоминала, как она целовала меня в щеку перед свадьбой и шептала: «Ты будешь самой счастливой». Как поправляла фату, как завязывала ленты на моем платье, как смеялась, когда я волновалась перед выходом.

Теперь эти губы целовали моего мужа.

— Ой, Кассия, не делай трагедии, — протянула она, и голос ее звучал так, будто она утешала капризного ребенка, который расстроился из-за сломанной игрушки, — Ты же знаешь, мужчинам бывает недостаточно одной жены. Ничего страшного не случилось.

Она говорила это так легко, так буднично, будто речь шла о пустяке. Будто она не занималась любовью с моим мужем минуту назад. Будто не стонала на весь кабинет. Будто не разрушала мою жизнь...

Вивиан протиснулась мимо Филиппа, задевая его бедром — специально, медленно, чтобы я видела эту фамильярность. Ее пальцы скользнули по его плечу, задержались на мгновение, погладили ткань рубашки.

— До встречи.

Она вышла, покачивая бедрами, оставляя за собой шлейф цветочных духов. Женщина, у которой не было совести, ушла. Вивиан, которую я называла сестрой. Еще недавно она помогла организовать мою свадьбу. Мы вместе ездили по лавкам, выбирали подвенечное платье, спорили о фасонах, смеялись над неудачными вариантами.

Почему? Как можно было поступить так со мной? Мы же дружили. Мы же росли вместе. Мы же делили секреты, мечты, страхи. Я доверяла ей больше, чем кому-либо. И она знала это. Знала, как сильно я люблю Филиппа.

Я бросила последний взгляд ей в спину и с трудом вернула его на мужа. Я смотрела на него и чувствовала, как что-то внутри меня что-то теплое, живое, что верило в людей, медленно умирает. Сворачивается, как увядший лист, чернеет по краям и рассыпается в прах.

— Все из-за места в Совете? — спросила глухо, — Ты женился на мне только ради голоса?

Как я могла быть такой слепой? Ничего не замечать...

Филипп устало вздохнул, поправил ворот рубашки, задержал пальцы на пуговицах, будто собирался застегнуться, но передумал.

— Кассия, это всего лишь близость, — сказал он мягко, тем самым голосом, которым успокаивал меня, когда я плакала на похоронах отца. Тем же голосом, которым клялся в вечной любви, — Мужские потребности. А люблю я тебя. Тебя я берегу, оберегаю, лелею. А с ней...

Он сделал шаг ко мне, протянул руку, чтобы коснуться моего лица — так, как делал сотни раз раньше. Его пальцы почти коснулись моей щеки, и я отшатнулась, будто от удара.

— Не трогай меня, — выдохнула я, — Не смей ко мне больше приближаться. Никогда. Слышишь меня? Никогда.

— Ну вот, я и говорю, — покачал он головой, и в голосе его появилась раздражающая снисходительность, — Ты слишком впечатлительная. Слишком эмоциональная. Ты просто успокойся, выпей воды, ляг отдохни. Завтра посмотришь на это иначе.

Он говорил со мной как с больной. Как с истеричкой, у которой случился припадок.

Я смотрела в его красивое лицо — идеальные черты, правильные пропорции, выразительные зеленые глаза — и не понимала, как могла любить этого человека. Как могла видеть в нем защитника, опору, будущее. Как могла доверить ему свою жизнь, свое сердце, свою память об отце.

— Убирайся, — сказала я тихо.

Филипп нахмурился, будто не расслышал.

— Что?

— Убирайся из моего дома. Из моей жизни. Я не хочу тебя видеть.

Он усмехнулся.

— Это не твой дом, Кассия. Это — мой дом. Твой отец оставил все мне. И ты — тоже мне. По закону, по крови, по клятве. Ты — моя жена. И никуда ты от меня не денешься.

Он шагнул ко мне, и я отступила. Шаг, еще шаг. Пока не уперлась спиной в холодную стену.

— Успокойся, — повторил он, нависая надо мной, загораживая свет, — Ляг, отдохни. Завтра мы поговорим спокойно. И ты поймешь, что все не так страшно, как тебе кажется.

Его рука снова потянулась ко мне — к лицу, к волосам. Я дернулась, ударила затылком о стену, но боли не почувствовала. Только глухую ярость, которая поднималась из самого низа живота, захлестывала грудь.

— Не прикасайся ко мне, — прошипела я, — Ты слышишь? Не смей прикасаться ко мне своими грязными руками.

Филипп замер. На его лице промелькнуло что-то, похожее на удивление, потом на злость. Он выдохнул.

— Ты просто устала, — сказал он, все же отступая, — Перенервничала. Я дам тебе время остыть и принять новую реальность.

Он развернулся и вышел из кабинета, оставив меня одну.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, и смотрела на закрытую дверь. В ушах все еще звучали их голоса. Ее стоны. Его хриплое дыхание. Слова, которые они говорили обо мне — «бревно», «дурочка», «задушила своим вниманием».

Где-то внизу хлопнула входная дверь. Филипп ушел.

Я медленно сползла по стене, села на пол, поджав колени к груди. Руки дрожали, губы тряслись, но слез не было. Глаза были сухими, как пустыня. Как мое сердце, которое только что сожгли дотла.

Передо мной лежала бронзовая морда волка. Я подняла статуэтку, провела пальцами по холодному металлу. Волк в овечьей шкуре... Как символично.

— Ты была дурой, Кассия, — сказала я себе вслух, — Ты верила в сказку. А сказки не существуют.

Филипп сказал, что я никуда не денусь. Я его жена и дом принадлежит ему.

Нет. Жить с ним я не стану. Я разведусь с ним.

С меня будто спала пелена.

Вся влюбленность, которая застилала глаза столько месяцев, которая заставляла сердце биться чаще при звуке его шагов, которая превращала мир в розовый туман, была вырвана с корнем его предательством. Резко, жестоко, одним ударом. Филипп вырвал её с корнем, и теперь на том месте, где росло что-то теплое и живое, зияла черная, кровоточащая рана.

Голова вновь стала соображать. Включилась. Через боль, через разрывающее нутро осознание, что всё было ложью. Через унижение, которое жгло щеки ярче любой пощечины. Но включилась. Я снова видела мир не сквозь призму «он любит меня», а так, как он есть — холодным, жестоким, опасным.

И я стала осознавать, в какой ситуации оказалась. И самое страшное — я сама себя в неё загнала. Своими руками. Своей слепотой, наивной и доверчивой любовью.

Я сама подписала все документы, доверившись мужу, не читая, не глядя. Слепая и глупая!

Как можно было в здравом уме так поступить?

Я не находила ответа на этот вопрос. Сидела на холодном полу, прижимая к груди статуэтку, и прокручивала в голове те моменты, когда ставила подпись под документами. Он говорил: «Не утомляй себя чтением, милая, это скучные юридические формулировки». И я улыбалась, думала, какой он заботливый, как бережет меня от скуки.

Я верила в сказку, которую сама себе придумала, нарядила в белое платье, украсила цветами и назвала «наша любовь».

А он в это время строил схемы. Планировал, как избавиться от меня, когда я перестану быть нужной. Смеялся с любовницей над моей наивностью.

Любовь — зло. Она превращает тебя в размазню, в зависимое создание, которое не может без чужого человека. Ты перестаешь быть собой. Ты становишься его тенью. Ты отдаешь ему всё: деньги, дом, сердце, голову. А он берёт, пользуется, а потом выбрасывает, как ненужную вещь.

Заставила себя встать. Но не пошла в спальню, чтобы прилечь и отдохнуть, как сказал Филипп. И так уже слишком много наотдыхалась, что потеряла все. Некогда было разлеживаться, нужно что-то решать.

Я выгляжу настолько дурой, что он даже не счёл нужным извиняться. Даже не придумал оправдания, кроме жалкого «это всего лишь близость». Он просто оставил меня одну в кабинете, где ещё не выветрился запах её духов, где на столе остались следы их присутствия. Он был уверен, что я никуда не денусь. Что проглочу обиду, поплачу в подушку и завтра же буду улыбаться ему за завтраком, делая вид, что ничего не случилось. Потому что куда я пойду? Кому я нужна? Что я могу без него?

Он прав. Сейчас — ничего. Но я не собираюсь оставаться «ником».

Я зашла в его кабинет. Нет, кабинет отца... Бумаги были разбросаны по полу. Я скривилась, но прошла дальше.

Нужно предпринять хоть что-то. Может, найти все документы и уничтожить? Мысль вспыхнула и погасла также быстро. Но у него имеются заверенные копии. Филипп в отличие от меня дураком не был.

Мне нужно что-то, что поможет при разводе вернуть хотя бы свое родовое поместье!

Если ему так нужно место в Совете, может, обменять всё на него?

Что, если я предложу ему сделку? Он хочет голос моего рода в Совете — это единственное, ради чего он вообще на мне женился. Значит, этот голос — его главная цель. Всё остальное — деньги, дом, активы — приятное дополнение, но не более. А что, если я скажу ему: ты получишь голос, но взамен я забираю поместье? Дом отца. Единственное, что по-настоящему ценно для меня.

Ничего другого не приходило на ум.

Девочки, история пишется в рамках литмоба "Прошлое (не) изменить" 18+, уверена вам что-то приглянется:

<https://litnet.com/shrt/K6Ky>

7 историй, героини которых попробуют переписать свою судьбу, избежать смерти или предательства. Они возвращаются в прошлое, чтобы предотвратить катастрофу, изменившую их жизнь.

ГЛАВА 3. Смерть нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...

Кассия

Филипп вернулся утром. Где его носило всю ночь меня больше не волновало. Был ли он на работе или пропал у Вивьен, а может, у какой-нибудь другой любовницы... Какая разница? Вчера я думала, что больно будет узнать об одной. Сегодня я понимала: их может быть сотня, и это не изменит ровно ничего. Он просто играл роль, пока я не отдала ему всё, что он хотел.

Слуг в доме не было. Филипп предварительно всех отпустил, чтобы не было лишних свидетелей того, что происходит в этом доме. Лишь повар оставался на кухне, но он никогда не покидает ее пределы без особой надобности.

В доме стояла звенящая тишина, как у меня в душе. Я сегодня так и не заснула, и ничего не ела.

Ещё вчера утром я просыпалась в его руках и считала себя самой счастливой женщиной в мире. Ещё вчера я выбирала подарок для него, улыбалась своим мыслям, строила планы на будущее. А теперь сижу здесь совершенно пустая.

Шаги приблизились. Дверь в гостиную открылась, и на пороге появился Филипп.

— Кассия, — он вошёл, устало улыбаясь, будто вчера ничего не произошло. — Ужасный день на работе, — он прошёл к креслу, опустился в него, откинув голову на спинку. Он выглядел уставшим, но довольным. — Наконец, добились ареста этого темного мага. Монтре, помнишь?

Конечно, я помнила. В королевстве один Дамиан Монтре. Темный маг. Изгнанник. Тот, чьё имя запрещено произносить при дворе. Тот, кого боятся даже в Тайной канцелярии.

— Его арестовали? — переспросила я равнодушно.

Филипп кивнул, довольно улыбаясь. В его глазах мелькнуло что-то, чего я раньше не замечала — торжество. Не просто удовлетворение от хорошо выполненной работы, а личное, почти болезненное торжество человека, который наконец-то отомстил старому врагу.

— Я почти полгода добивался весомых оснований, — он говорил лениво, растягивая слова, наслаждаясь каждым звуком. — Он умён, этот Монтре. Очень умён. Каждый раз ему удавалось меня переиграть. Но теперь... — он хищно усмехнулся, — Доказательства неопровержимы. Свидетели дали показания. Совет проголосует за казнь. И я буду тем, кто поставил последнюю точку в деле десятилетней давности. Теперь с ним всё кончено.

«Как и с нашим браком» — подумала я.

— Это надо отметить, — Филипп поднялся, подошел к шкафу, где стояло вино, — У нас есть повод, Кассия. Наконец-то я избавился от этой головной боли.

— Ты не рада за меня? — он обернулся, протягивая мне бокал.

Я взяла бокал. Руки не дрожали. Странно. Вчера дрожали, сегодня — нет. Может, я просто устала переживать.

— Поздравляю, — сказала я ровно. — Ты получил то, что хотел. Снова.

Он прищурился, всматриваясь в моё лицо, но я смотрела прямо, не отводя глаз. Пусть видит.

— Ты какая-то странная сегодня, — заметил он, делая глоток. — Всё ещё злишься из-за вчерашнего?

— А должна радоваться?

— Кассия, — голос его стал мягче, почти ласковым. — Я же объяснил. Это ничего не значит. Вивиан — это просто... развлечение. А ты — моя жена. Моя семья. Моё будущее.

— Хватит врать, Филипп. К чему это все? К чему эти маски? К чему эти нежные слова, когда я знаю правду? Я слышала, что ты сказал вчера в кабинете. Слышала, как ты говорил Вивиан, что избавишься от меня, как только получишь голос. Что я — бревно в твоей постели.

Он сделал глоток, и хотел что-то сказать.

— Через неделю я отдам тебе голос, — продолжила я, не давая ему вставить ни слова, — А ты дашь мне развод. Чистый, без претензий. Я забираю родовое поместье и половину отцовских денег. Всё остальное — тебе. Ты получишь то, ради чего женился. А я получу свободу. И нас больше ничего не будет связывать.

Я сказала это. Вслух. То, что обдумывала всю ночь. Сделка. Последняя. Отчаянная. Единственное, что пришло в голову.

Филипп смотрел на меня несколько секунд. Потом его губы дрогнули, плечи расслабились, и он рассмеялся.

Сначала тихо, потом громче. Смех его разносился по пустой гостиной. Он смеялся, запрокинув голову, держась за бок, как будто я рассказала лучшую шутку в своей жизни.

— У Кассии появились зубки, — наконец выдохнул он, вытирая выступившие слёзы. — Какая прелесть. Какая наивная, трогательная прелесть. Ты думаешь, я буду с тобой торговаться? Ты, у которой ничего нет?

— У меня есть голос, — повторила я, хотя внутри всё сжалось.

— Голос, который и так принадлежит мне, им может распоряжаться только мужчина, — он шагнул ближе, и я отступила. — Ты сама всё отдала, дорогая. Обратного пути нет. Вот и будь умницей.

Он подошёл к столу, поставил пустой бокал. Движения его были неторопливыми. Потом он повернулся ко мне и в его глазах не осталось ни капли той наигранной нежности, что была минуту назад.

— Хочешь, чтобы я не изменял тебе? — спросил он, делая шаг ко мне, — Чтобы я был весь твой? Был только твоим мужем, только твоим любовником, только твоим господином?

Его тон пугал. Я замерла, стараясь не показывать свой страх.

Он подошёл вплотную. Я чувствовала запах его парфюма, который когда-то казался мне самым прекрасным ароматом на свете. Теперь же от него тошнило.

Он резко схватил меня за волосы.

Боль обожгла кожу головы, я вскрикнула, попыталась вырваться, но он сжал пальцы сильнее, заставляя запрокинуть голову, смотреть в его глаза.

— Ты права, — прошептал он мне в лицо, — Ни к чему эти маски. Вот он я — твой муж. И я хочу, чтобы ты сейчас же открыла свой ротик, — его свободная рука скользнула вниз, к ремню, высвобождая своё достоинство наружу, — Но не для глупых разговоров и предложений. У меня к тебе более ценное предложение...

— Не смей, — выдохнула я, дёрнувшись, но он толкнул меня на диван, нависая сверху.

— Я дам тебе шанс показать на что ты способна. Не хочешь быть бревном — не будь им.

Он навалился, почти тыча мне в лицо своей мерзостью, другой рукой сильно сжимая волосы. Я пыталась отвернуться, но он удерживал, заставляя терпеть.

— Отпусти меня! — крикнула я, дёргаясь изо всех сил. — Отпусти, слышишь!

— Мужу нужно спустить пар, любимая, Ты же хорошая жена? Ты же хочешь, чтобы я был доволен? Чтобы я не искал удовлетворения на стороне?

Я, извернувшись, попыталась ударить его ногой, но только сделала хуже, он в этот момент перевалил меня на живот и навалился сзади. Его рука задрала моё платье, обнажая ноги, сжимая больно ягодицы. Пальцы его скользнули по белью, стаскивая его вниз, и я закричала от боли, от унижения и бессилия.

— Не надо, пожалуйста, — прошептала я, чувствуя, как слёзы душат меня. — Филипп, не надо...

— Надо, — выдохнул он мне в затылок. — Надо, Кассия. Ты — моя жена. И ты будешь исполнять супружеский долг. Когда я захочу. И как я захочу.

Его пальцы впивались в мои бёдра, раздвигая их. Меня накрыло страхом и отвращением. Я попыталась вскинуть голову, чтобы найти хоть что-то...

Рядом на столике, на расстоянии вытянутой руки, стояла ваза.

Просить остановиться было бесполезно. Я не думала, что моя недолгая семейная жизнь обернется ужасом.

Я потянулась к вазе, но Филипп меня дернул на себя, и ваза упала на пол.

— Ты ничтожество... — прошипела я, моя рука скользнула по полу, нащупала холодное стекло...

И я полоснула осколком ему по бедру до куда смогла дотянуться.

Он вскрикнул. Дёрнулся. Хватка ослабла всего на секунду, мне хватило лишь развернуться. Убежать не вышло.

— Ах ты, дрянь! — его голос сорвался на рык.

Он набросился на меня, не обращая внимания на кровь, сочащуюся из раны на бедре. Его пальцы сжались у меня на шее.

Он давил сильно, с каким-то остервенением, и я начинала задыхаться. Воздух перестал поступать, лёгкие горели, перед глазами поплыли чёрные пятна.

Я хрипела. Дёргалась. Царапала его руки, оставляя кровавые полосы, но он не отпускал. Только сильнее сжимал пальцы.

— Поигрались и хватит, — прошипел он, наклоняясь к самому моему лицу, — Ты — ничто, Кассия. Ты — моя вещь. И вещи не сопротивляются.

Я слышала его сквозь шум в ушах, сквозь пульсирующую боль, сквозь наступающую тьму. Слышала и знала — это конец. Он не остановится. Он убьёт меня. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Бум... Бум... Бум...

В гостиной громко забили старинные часы. Бабушкина фамильная гордость, которую отец так и не смог выкинуть, хотя они не работали уже лет двадцать. Он говорил, что память дороже, что пусть стоят, напоминают о доме, о корнях, о тех, кто был до нас. Я помнила эти часы с детства — большие, дубовые, с резными фигурками на циферблате. Они всегда молчали.

А сейчас вдруг забили. Размеренно, равнодушно, отсчитывая последние секунды моего существования. Будто сама смерть завела старый механизм, чтобы проводить меня в последний путь под этот тяжелый, неумолимый бой.

Я считала удары — один, два, три... Странно, как четко я их слышала. Громче, чем голос Филиппа. Громче, чем собственное сердце.

Четыре... пять...

Шесть... Семь...

На седьмом ударе меня накрыло.

Тьма настигла меня. Резко, как волна, обрушивающаяся на берег в шторм. Сознание провалилось куда-то вглубь, в место, где не было ни звуков, ни запахов, ни времени.

Я оказалась в пустоте.

Тяжесть тела и боль отпустили. И я стала легкой, как пушинка.

Я парила в этой пустоте, не зная, где верх, где низ, где я сама.

Все будто потеряло смысл.

Но это продлилось недолго.

А потом что-то словно затянуло меня обратно.

Резко, неумолимо, как водоворот, который засасывает на дно. Я почувствовала, как пустота начинает сжиматься вокруг меня, как появляются очертания — сначала размытые, неясные, похожие на сон, который пытаешься вспомнить утром. Потом всё четче, всё реальнее. Мир возвращался.

Я закричала от боли! В груди будто взметнулся пожар. Жаркий, нестерпимый, выжигающий всё изнутри. Он сжигал меня всю...

Вспышка прошла и передо мной сидел Филипп, как десять минут назад, словно ничего не происходило.

Словно время отмоталось назад и застыло, ожидая, когда я сделаю следующий шаг.

— Наконец добились ареста этого темного мага, — говорил он, и голос его звучал так же самодовольно, как и в прошлый раз. — Монтре, помнишь?

Я вжалась в спинку дивана, на котором сидела.

Грудь горела. Я не понимала, что происходит.

Это какая-то игра воображения?

— Этот ублюдок знатно подпортил мне жизнь. Ну ничего, скоро я буду смотреть как ему отрубят голову. Даже не сомневаюсь, что совет проголосует за казнь. И я буду тем, кто поставил последнюю точку в деле десятилетней давности. Теперь с ним всё кончено.

Я смотрела на Филиппа и не могла выдать ни слова. Смотрела на то, как он лениво встает с кресла и подходит к шкафу, наполняя наши бокалы.

— Ты какая-то странная сегодня, — заметил он, делая глоток. — Всё ещё злишься из-за вчерашнего?

Это было по-настоящему или...?

— Я же объяснил, — расценив мое молчание по-своему, — Это ничего не значит. Вивиан — это просто... развлечение. А ты — моя жена. Моя семья. Моё будущее.

Будущее... которого у меня нет.

Измена это одно. Наверное, многие изменяют.

Но убийство?

Я смотрела на него и не узнавала. Сейчас я видела то, что раньше упорно не замечала. Жестокость в каждом жесте. Холод в каждом взгляде. Безразличие к чужой боли. Как я могла не замечать этого раньше? Как я могла принимать его расчетливость за сдержанность, а цинизм за жизненную мудрость!

И сейчас, с каким ожесточением он говорил об этом мужчине — Дамиане Монтре. Как горели его глаза при мысли о казни. Он предвкушал, как будет лично присутствовать, когда темному магу отрубят голову.

— Я пойду к себе, — выдавила я наконец, поднимаясь с дивана.

Ноги дрожали, а голова кружилась, но я заставляла себя дышать ровно, двигаться плавно, не показывать слабости.

— Кассия, — он схватил меня за локоть, останавливая. Наши взгляды встретились. — Ты же будешь хорошей женой? — спросил он, и в голосе его прозвучала сталь, прикрытая бархатом. А у меня по коже побежали мурашки от страха, вспоминая его пальцы не на руке, а на моей шее.

И это был даже не вопрос.

Что я смогла так это просто кивнуть.

Филипп довольно улыбнулся. Отпустил мой локоть, даже погладил по руке, будто извиняясь за грубость.

— Вот и умница, — сказал он, возвращаясь к своему бокалу. — Завтра мы идем в Совет, ты не забыла?

— Я помню, — ответила глухо.

— Вот и хорошо, — сказал он, отворачиваясь к окну, — Иди отдохни, дорогая. Ты слишком распереживался из-за пустяков. Завтра важный день, тебе нужны силы.

Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел на улицу, где за окном сгущались сумерки, фонари уже зажглись, отбрасывая на двор дрожащие желтые круги.

Его маска любящего мужа сидела так идеально, что я сама почти поверила. Почти. Но теперь я знала, что скрывается под ней. Я видела его настоящего. Его истинное лицо, его гнилое нутро.

В этот раз я не заговорила, не потребовала развод, не торговалась голосом...

Может, это все мне почудилось...

Я покосилась на часы. Шагнула к выходу, но остановилась около них. Семь часов ровно показывали другие часы на камине. А в этих что-то в них щёлкнуло, заскрипело, будто пытаюсь прийти в движение, словно они хотели заработать, но не смогли. Я испуганно дернулась.

Часы молчали.

И в этот момент я кое-что вспомнила... Бабушка, когда я была совсем ребенком рассказывала мне сказки... Теперь они мне казались не просто выдуманными словами...

Теперь они звучали как пророчество.

Слова, которые когда-то казались мне просто красивыми сказками для маленькой девочки, вдруг обрели почти осязаемую реальность.

Бабушка рассказывала о даре времени — древнем, почти забытом, который просыпается в крови избранных в момент смерти. О том, что такие люди могут возвращаться в прошлое, переигрывать судьбу, менять будущее.

— Время — это река, Кассия, — говорила бабушка, глядя меня по волосам. — Оно течёт в одном направлении. Но те, у кого есть дар, могут бросить в эту реку камень. И вода разойдётся кругами. А потом сомкнётся, но уже не так, как прежде. Главное — не бояться кругов. И не пытаться остановить реку.

— Почему?

— Потому что река — это жизнь. А если остановить жизнь, останется только смерть.

Она посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом. От ее тона у меня по спине пробежали мурашки.

Это была моя любимая сказка. Но я и подумать не могла, что такое возможно по-настоящему.

Я ведь тогда спрашивала почему мы так не можем теперь, ведь в нас сильная дракоья магия.

— Всему свое время.

— Я не понимаю. Почему нельзя сейчас? Почему нужно ждать? Это же такой дар! Можно исправить любую ошибку! Можно вернуть тех, кого потерял! Можно...

— Время само знает, когда и кому дать шанс, — перебила меня бабушка, и голос её стал серьезнее, строгим. — Не всё в этом мире решают люди, Кассия. Есть силы древнее нас, древнее магии, древнее драконов. И они не терпят суеты.

Я тогда не согласилась. Помню, долго спорила. Меня ужасно не устраивала несправедливость. Почему нужно ждать, пока река времени сама решит, кому бросить камень?

— Если этот дар будет у каждого, — начала я, но бабушка покачала головой, и я замолчала на полуслове.

— Если этот дар будет у каждого, — повторила она, и в голосе её зазвучала печаль, — Мир рухнет. Представь, Кассия, что каждый сможет возвращаться в прошлое и менять его. Каждый захочет исправить свои ошибки. Каждый захочет отомстить. Каждый захочет вернуть ушедших. Что тогда останется от настоящего? Его просто не будет. Время распадётся на тысячи осколков, и никто уже не сможет собрать его заново.

Мне не нравился этот ответ. Он был слишком взрослым, слишком сложным, слишком... правильным. А я хотела, чтобы было просто. Чтобы дар был у всех. Чтобы можно было вернуться и сказать то, что не сказала, сделать то, что не сделала, спасти того, кого не спасла.

Я была глупая, да и сейчас не умнее... Стало горько от своего выбора, от своих действий.

Я не знала, почему именно сейчас. Не знала, почему именно я. Почему дар проснулся именно во мне — в женщине, которую только что убил собственный муж. Может, бабушка знала. Но тогда почему это все оставалось тайной, и никто не сказал мне об этом?!

Богиня, я сегодня умерла... У меня до сих пор не укладывалось в голове. Это казалось невозможным — стоять здесь, дышать, чувствовать, как бьётся сердце, когда всего несколько минут назад оно остановилось. Когда мир погас.

Я ещё помнила то беспомощное чувство — как воздух уходит из лёгких, а ты не можешь ничего сделать, как тело перестаёт слушаться, как мысли путаются, превращаясь в один бесконечный крик, который никто не слышит. Я помнила свою угасающую искру...

Жутко...

Не передать того ледяного ужаса, когда понимаешь — всё. Конец.

Перед глазами вставало искажённое яростью лицо Филиппа. Его перекошенный рот, расширенные зрачки, пальцы, сжимающиеся на моём горле. Я видела его так отчётливо, будто он стоял прямо передо мной. Он был страшен в своей ярости. Уже не тот холёный, улыбчивый красавец, которого я знала, а зверь, сорвавший маску.

Он намеревается получить мой голос.

Место в Совете — вот ради чего он женился. Ради чего терпел меня в своей постели, изображая любовь, когда на самом деле мечтал поскорее избавиться.

Он уже его. В случае моей смерти он также получит его. Но придется немного подождать, пока он вступит в наследство. Он и так долго ждал пока мы станем официально женаты. Но все же муж имеет право на голос уже через месяц, а в случае ее смерти — через полгода, и то если нет других наследников и претендентов на голос.

Что я могу сделать, чтобы лишить его голоса?

Я закусила губу, туго соображая. Нужно думать, искать лазейки, слабые места, возможности.

Мне нужно завтра в Совете осторожно узнать. Спросить, не привлекая внимания.

Но я не знаю, можно ли там доверять. Совет — это не просто собрание магов. Это клубок интриг, заговоров, тайных союзов и старых обид. Филипп наверняка общается со многими из них — он начальник Тайной канцелярии, у него есть компромат на каждого. Он дружит с судьями, угощает вином советников, дарит подарки их жёнам. Он втирается в доверие, плетёт сети, собирает долги.

И как они поведут себя, неизвестно. Кто-то может помочь мне из жалости или из вражды к Филиппу. Кто-то — продать за золото. Кто-то — сделать вид, что ничего не слышал. А кто-то сразу же побежит к нему докладывать, надеясь получить награду.

Но не рискуя, я не смогу ничего.

Если я останусь здесь, в этом доме, играя роль послушной жены, Филипп рано или поздно убьёт меня. Может, не сегодня, не завтра, но убьёт. Как только я перестану быть нужной. Как только голос перейдёт к нему официально.

Я не могу этого допустить. Не могу сидеть сложа руки и ждать, пока он нанесёт смертельный удар.

Помимо Совета, вставал ещё один не менее важный вопрос: как снова бросить камень? Как понять, когда бросать? Как рассчитать силу броска?

Мне нужно понять, могу ли я управлять этим даром. Или он управляет мной? Он проснулся сам в момент смерти. Но обязательно ли каждый раз умирать? Неужели нет другого

способа? Ведь это страшно... Каждый раз чувствовать, как жизнь уходит из тебя. Каждый раз видеть лицо убийцы. Каждый раз проваливаться в пустоту, не зная, вернёшься ли обратно.

Сколько раз можно возвращаться? У дара есть предел? Или он бесконечен, как сама река времени?

Вопросы множились, а ответов не было.

Вместо спальни я свернула в библиотеку.

Библиотека встретила меня полумраком и тишиной.

Высокие шкафы тянулись к потолку, их полки ломились от фолиантов. В углу стоял отцовский кожаный диван, на котором он любил читать по вечерам.

Казалось, что он сейчас войдет, опустится на него и поднимет на меня уставший взгляд. Как же мне его не хватает...

Я зажгла фонарь, не включая основной свет. Потом подошла к самому дальнему шкафу, к тому, который отец называл «семейным архивом». Здесь хранились документы, письма, дневники — всё, что касалось истории нашего рода.

Если в моём роду у кого-то был такой дар, то должна быть информация. Не просто же так бабушка всё это рассказывала.

ГЛАВА 4. Вздумала меня обмануть?

КАССИЯ

Я, не чувствуя усталости, начала перебирать хоть что-то, что могло бы мне помочь.

Пальцы касались корешков, шуршали страницами, водили по строчкам, выискивая знакомые слова: «время», «дар», «возвращение»...

Особое внимание я уделяла дневникам. Ведь многие книги я и так изучала в детстве — историю рода, связи с другими семьями, наши ценности и устои, древние традиции и законы чести. Но там, в тех книгах, ничего не было об управлении временем.

А вот личные дневники проходили мимо меня. Ранее они были необязательными к прочтению и не привлекали меня.

Теперь же я перебирала дневники один за другим, и время в библиотеке будто застыло. Свечи горели ровно, но их огоньки отбрасывали на стены пляшущие тени, и мне казалось, что в углах кто-то прячется, наблюдает, ждёт. Но я не останавливалась, все просматривала и просматривала. Нужно найти хоть что-то. Мне необходимо понять, что происходит.

Я отобрала пару дневников. Один был совсем старый, настолько, что бумага внутри пожелтела и стала хрупкой. Почему-то витиеватость враз его владелицы привлекла мое внимание. Что-то было в построении предложений, в метафорах, которыми она описывала свою жизнь. «Время — это ткань, — писала она, — Каждый день мы вплетаем в неё новую нить.» Про дар вначале ничего не было, но я читала эти строки и слышала бабушкин голос. Так со мной общалась и бабушка Элеонора. Те же образы, та же глубина, та же печальная мудрость в каждом слове.

Её дневник я тоже нашла. Он был самый свежий и не затёртый. Кожаная обложка ещё сохранила свой тёмно-вишнёвый цвет, золотое тиснение на корешке не стёрлось, а страницы держали текстуру.

Бабушки не стало, когда мне исполнилось пятнадцать. Четыре года назад. Кажется, что целая жизнь назад.

Мы к тому времени почти не общались. Она жила в своём имении, редко приезжала в гости: только на большие праздники, да и то ненадолго. Здоровье стало подводить.

Каждое её появление в нашем доме было событием, но я уже не бросалась к ней на шею, как в детстве. Я была взрослой. Или считала себя взрослой.

Я была увлечена предстоящими возможностями. Пятнадцать лет — возраст, когда девочка превращается в девушку, когда открываются двери, о которых раньше можно было только мечтать. Я выучивала танцы, до боли в ногах отрабатывая па перед зеркалом в бальной зале. Изучала бальный этикет: кому и когда делать реверанс, как правильно обращаться к титулованным особам, каким веером и как прикрывать лицо, чтобы показать заинтересованность или, наоборот, холодность. Занималась всем тем, что положено молодой девушке на выданье: училась вести беседу, держать спину, выбирать платья, носить драгоценности, улыбаться так, чтобы никто не догадался о твоих истинных чувствах.

Мне казалось, что это и есть настоящая жизнь. Не сказки у камина, не старые дневники, не бабушкины притчи... А балы, ухажёры, шёпот подруг за спиной, волнение перед первым танцем, предвкушение того, что вот-вот случится что-то важное, что изменит всё.

Стало не до сказок, меня захватило знакомство со светом. Они воплотились в реальность. Вокруг было столько интересного во взрослой жизни! Столько событий, лиц, имён, сплетен, интриг. Я впитывала это, радовалась каждому новому знакомству, каждому приглашению, каждому комплименту. Сказки остались где-то в детстве, в тёплом пледе у камина, вместе с бабушкиным тихим голосом и запахом лаванды. Я не вспоминала о них. Не перечитывала. Не рассказывала другим. Они стали частью прошлого, которое больше не имело значения.

А когда меня впервые пригласили на королевский бал, я чуть не лопнула от восторга. Это было событие, о котором мечтала каждая девушка моего круга. Королевский бал — это не просто танцы и угощения. Это признание. Это знак того, что ты достаточно хороша, чтобы находиться рядом с теми, кто правит миром. Я помню, как получила приглашение — золотой конверт с королевской печатью, доставленный личным курьером. Я держала его в руках, боясь открыть, боясь поверить, боясь, что это ошибка.

Такая честь.

Я готовилась к этому балу несколько недель. Платье — небесно-голубое, с серебряной вышивкой, под цвет моих глаз. Украшения — жемчуг, который отец подарил мне на шестнадцатилетие. Причёска — высокая, с локонами, спадающими на плечи.

Там я и познакомилась с Филиппом.

Он не сводил с меня взгляда.

Сердце моё забилося быстрее, щёки залились румянцем, и я поспешно отвела взгляд, делая вид, что рассматриваю люстру. Мне казалось, что это судьба — встретить на балу того самого, единственного, кто заставит моё сердце так трепетать.

Но не успел подойти первый. Какой-то мужчина, знакомый отца его опередил.

Богиня! Это же был тот самый Дамиан Монтре. Это был его последний год при дворе. А потом случилось то, что случилось — изгнание, проклятия, репутация чудовища. И его имя запретили произносить при дворе.

Как я могла забыть? Моя влюблённость в Филиппа всё затмила, вытеснила из головы. Я была так ослеплена его улыбкой, его комплиментами, обещаниями, что стёрла из памяти всё, что не имело к нему отношения.

Мужчина представился знакомым отца, но папа после был тогда недоволен. И я сама хотела как можно скорее избавиться от его компании. Потому что у него была странная, тяжёлая энергия, которая исходила от него волнами — будто воздух вокруг него становился плотнее, холоднее, опаснее.

Мне было неловко, неудобно, почти страшно. Он смотрел на меня слишком пристально, говорил серьёзно, и в его словах чувствовалась какая-то тяжесть, которой я не понимала. Я вежливо улыбнулась в конце танца и чуть ли не убежала от него.

А через минуту ко мне подошёл Филипп. Улыбающийся, лёгкий, остроумный. Он сказал, что наблюдал за мной весь вечер, что я самая красивая девушка на балу, что он не может отвести от меня глаз. Я растаяла. И забыла о странном маге в чёрном, который пытался со мной заговорить.

Как я была глупа. Я оказалась легкой добычей. Обмануть и обольстить наивную дурочку не составило труда.

Филипп прав, я пустая левоверная глупышка, которую ничего не интересовало. Я была уверена, что счастье девушки в удачном замужестве. А что делать, если оно выйдет не удачное?! Такого варианта я не рассматривала, а он взял и случился...

Стоило мне подумать о своем браке, как в библиотеке я оказалась не одна.

— А я понять не могу, куда запропастилась моя жена. А ты тут...

Я же думала, что быстро что-то прихвачу и пойду к себе, чтобы не вызывать ненужных подозрений. Но так увлеклась, что не заметила как быстро пролетело время.

Я бросила взгляд на окно, за которым уже стояла непроглядная ночь.

— Не поздно для посещения библиотеки?

Филипп подошёл совсем близко. Теперь он стоял в двух шагах, заложив руки за спину, и смотрел на меня тяжелым взглядом. В полумраке библиотеки его лицо казалось вырезанным из камня, ни единой эмоции, только холод и расчёт.

Мне стало страшно. Теперь мне было до холодных мурашек некомфортно находиться с ним рядом. Тело напряглось, интуиция кричала об опасности. Всё моё нутро вопило, чтобы я убегала, чтобы бросила всё и бежала прочь.

— Не замечал за тобой любви к чтению, — продолжал меня пронизывать своим опасным взглядом.

— Я просто хотела что-то выбрать почитать перед сном.

Уголок его губ дернулся в подобии усмешки, он схватил меня за запястье, я вздрогнула всем телом, вспоминая чем все завершилось совсем недавно.

Перед глазами снова встали его пальцы на моём горле. Темнота, наступающая с краёв зрения. Часы, бьющие семь вечера.

— Вздумала меня обмануть? — прошипел он, наклоняясь к самому моему лицу, — Ищешь, как не отдавать мне голос? Думаешь, я не знаю, что ты задумала?

— Что? Нет, — проговорила я как можно спокойнее, хотя сердце сильно колотилось. Я не желала навлечь на себя его гнев. Не сейчас, когда я была так уязвима. Я не была уверена, что у меня получится вернуть всё обратно.

Я ведь не была абсолютно уверена, что это я вернулась, а не кто-то другой решил дать мне шанс. Может быть, само время сжалилось надо мной. Или это была случайность.

— Это просто дневники бабушки, — продолжила я, заставляя голос звучать мягче, почти жалобно, — Элеоноры... Я... скучала о ней.

Я говорила правду. Не всю, но правду. Я действительно скучала по бабушке и хотела вспомнить её сказки, и её мудрость. Просто сейчас эти воспоминания стали для меня чем-то большим, чем просто ностальгия.

Филипп перевёл взгляд на стол, убеждаясь, что я не лгу. Его глаза скользнули по нетронутым стопкам книг, по остальным дневникам. Он искал то, что могло бы выдать меня. Искал доказательства моего предательства. Но их не было.

Хотя может и стоило лучше изучить юриспруденцию и мои права. Но меня так тянуло узнать что-то про эту непонятную магию. Сейчас это казалось важнее.

Он отпустил мою руку. Я растерла запястье. Молчала.

— А это что? — он потянулся к толстой книге в чёрной обложке, которая лежала на краю стола.

Я замерла. Не помню что в ней. И открывала ли я ее вовсе.

Филипп раскрыл её и... внутри оказалось пусто. Совершенно. Ни единой буквы. Пустые страницы. Белые, нетронутые листы, казалось, будто ждали кто-то их заполнит.

Я тихо выдохнула, чтобы он не услышал. Пустая. Просто пустая книга. Ничего подозрительного. Ничего, что могло бы его насторожить.

Как если бы это был чистый дневник. Только почему он такой толстый? Задуман на всю жизнь? Но таскать такой крайне неудобно, ведь он был тяжёлым, громоздким, с массивным переплётом и серебряными уголками. Скорее всего, это книга для записи хронологических событий рода или что-то в этом роде.

— Пойдем спать, — сказал он успокаиваясь.

Я кивнула, прижимая к груди два дневника и хотела уже шагнуть за мужем, но мой взгляд так и замер на оставленной открытой пустой книге.

Какое-то странное чувство образовалось в груди. Что-то щемящее, тянущее... Будто книга звала меня.

Я зачем-то потянулась к ней, не понимая зачем, не контролируя свои движения. Пальцы сами собой вытянулись, коснулись уголка страницы, и в этот момент я почувствовала что-то странное — лёгкое покалывание, будто по коже пробежали тысячи маленьких иголок. Я дотронулась до листа, чтобы закрыть книгу, и...

По нему пошла рябь, как по водной глади...

— Кассия? — голос Филиппа донёлся от двери, — Ты идёшь?

— Да, — я захлопнула книгу, не решаясь ее вновь открывать пока рядом Филипп. Нужно обязательно ее проверить завтра.

Я шла за мужем и все мысли были об этой книге. Мне точно не показалось!

Я зашла в нашу комнату и направилась к постели, размещая дневники на прикроватной тумбочке.

Филипп подошел из-за спины. Он наклонился и обычно приятное щекочущую шею дыхание вызвало лишь ступор. Я чуть отстранилась.

— Филипп, пожалуйста, дай мне время, не после...

Я не договорила, намекая, что после вчерашнего я не была готова к близости. Я и действительно не смогла бы вынести близости с ним. И теперь дело не только в измене.

Не знаю, как мне удавалось держать маску. Как я могла стоять рядом с ним, разговаривать, смотреть в глаза и не кричать от ужаса и отвращения. Как я могла лгать, улыбаться, кивать, делать вид, что ничего не случилось. В душе я его ненавидела. Ненавидела так сильно, что эта ненависть жгла меня изнутри, разъедала, не давала дышать. И тем более я не желала находиться с ним в одной комнате!

Он выдохнул, но отступил. Привычно разделся и улегся на левый бок, лицом ко мне, наблюдая за мной.

Я медленно разделась, стараясь не смотреть в его сторону. Сняла платье, повесила его в шкаф. Надела длинную ночную сорочку, и легла на край кровати, спиной к Филиппу, свернувшись калачиком. Между нами оставалось достаточно места для ещё одного человека — целая пропасть, которую я не собиралась пересекать.

— Спокойной ночи, Кассия.

— Спокойной ночи, — ответила я, не оборачиваясь.

Я лежала в темноте, прислушиваясь к его дыханию, и ждала, когда он уснёт. Он меня не трогал, и этого на сегодня было достаточно.

ГЛАВА 5. Бесценный совет

КАССИЯ

Утром я чувствовала себя разбитой, будто по мне проехала карета.

Всю ночь я лежала на краю кровати, спиной к Филиппу, свернувшись калачиком, и слушала его дыхание.

Тихое, ровное, спокойное — дыхание человека, который спал без кошмаров, без угрызений совести, без сожалений. Он убил меня вчера, а сейчас спал как младенец.

Этого не было, Кассия. Для него...

Я же лежала с открытыми глазами, смотрела в стену и считала минуты до рассвета. Мысли путались, перескакивали с одного на другое: дневники, загадочная книга с серебряными буквами, бабушкины сказки, лицо Филиппа, искажённое яростью. Его пальцы на моём горле.

Мне хотелось встать и хотя бы начать читать бабушкин дневник, но сил совсем не было, они словно покинули меня, тело было тяжелым. Я не понимала, что со мной происходит.

Под утро я забылась тяжёлым, беспокойным сном, полным обрывков воспоминаний, которые не складывались в единую картину. Мне снилась бабушка. Она сидела у камина, расчёсывала мои волосы и что-то говорила, но слов я не разбирала. Потом бабушка исчезла, и появился Филипп. Он стоял на лестнице и смотрел на меня сверху вниз пустыми, мёртвыми глазами. А потом часы начали бить, и я проснулась.

— Что с тобой? Ты не заболела? — обеспокоенно спросил Филипп, хотя я знала, в действительности он беспокоится не обо мне, а о посещении Совета.

— Нет, всё в порядке, — ответила, отводя взгляд. Я не могла смотреть на него. Не могла видеть эту маску любящего мужа, за которой прятался мерзавец, — Просто...

— Что? — он шагнул ко мне, и я почувствовала его подозрительный взгляд на своём лице.

Я замялась. Мне нужно было придумать что-то убедительное, что-то, что объяснит мою бледность и мою усталость. Что-то, что заставит его держаться от меня подальше. Что-то, что он не захочет проверять...

— Женские дни... — соврала, мужчины терпеть не могут, когда их упоминают и считают себя выше этого.

Раньше я бы ни за что так открыто не сказала об этом, но теперь мне было плевать.

И я была права.

Филипп ожидаемо скривился. Его лицо исказила брезгливость, едва заметная, но я её увидела. Он отступил на шаг, будто я могла его заразить. Он не сказал ни слова, только дёрнул уголок губ и отвернулся к окну, делая вид, что рассматривает погоду.

Я сдержала улыбку. Эта маленькая ложь не только объясняла моё состояние, но и избавляла от близости с ним. Он не прикоснётся ко мне как минимум неделю. И это давало мне время.

— Выпей лекарство и собирайся. Через час выезжаем.

— Да, не беспокойся, — ответила, вставая с кровати. Ноги дрожали, но я держалась. — Я скоро спущусь и буду готова.

Филипп кивнул, не оборачиваясь, и вышел из спальни, оставив меня одну.

Я и правда выпила укрепляющую настойку, потому что внезапная слабость сейчас ни к чему. Похоже, это магический откат. Когда маг использует слишком много силы или когда дар просыпается слишком резко, тело реагирует слабостью, головокружением и тошнотой. Как будто магия выжигает тебя изнутри, а потом требует плату за своё пробуждение.

Значит, дар всё же мой? Всю ночь я сомневалась и спрашивала себя: может, это была случайность?

Похоже, да. Дар — мой. Я бросила камень в реку времени. И река приняла его.

Я перевела печальный взгляд на дневники, ожидающие прочтения, но начала собираться.

К завтраку спустилась, как и обещала, полная сил. Филипп был доволен.

Также ночью я перебирала людей, к кому могла бы обратиться. Вспоминала папиных друзей. И мне вспомнился мистер Крейдз. Было бы замечательно встретиться с ним, и будет повод поговорить, будто я вспоминаю отца. Ведь нет ничего предрассудительного в беседе с другом отца. Я давно его не видела, но все же хотелось верить, что он подскажет мне хоть что-то.

Мы отправились в Совет.

Филипп просматривал какие-то документы.

— Что-то важное?

— Да. Занесем сначала документы для суда над Монтре и сразу займемся нашим вопросом. Это быстро.

— Хорошо.

Это, наоборот, было мне на руку, может удастся с кем-то поговорить.

В Совете я была всего два раза. Один раз с отцом по его делам, когда мне было пятнадцать, а второй — когда оформляла наследство, когда получала тот пресловутый голос, которым не могу использовать и из-за которого все происходит. Тогда я тоже была с Филиппом.

Филипп первым вышел из экипажа, поправил мундир и подал мне руку.

— Держись рядом. И не говори ничего лишнего. Только то, что я скажу.

— Хорошо, — изобразила покорность. Опасалась, что он поймет, что я что-то задумала.

Филипп уверенно вёл меня по длинному коридору Совета. Его пальцы сжимали мою руку чуть сильнее, чем нужно — собственнически, контролирующе, будто он боялся, что я сверну не туда или, не дай Богиня, заговорю с кем-то без его разрешения.

— Ты ждёшь меня здесь, — сказал он, останавливаясь у массивной двери с табличкой «Канцелярия», — Я быстро.

Кивнула, что оставалось.

Я оглянулась, ну как мне что-то узнать? В мыслях это выглядело проще.

— Ты точно договорился? — донеслось из приоткрытой двери.

— Не сомневайся, — ответил муж, я прислушалась, что затеял Филипп? — В этот раз никто не оспорит, — сказал он тихо, но уверенно.

— Леди Райвуд? — кто-то окликнул меня, не давая мне дослушать разговор, — Или теперь уже леди Мортон. Простите.

Ко мне подошел мужчина сорока пяти лет. Он прищурился, рассматривая меня. В его взгляде я прочитала любопытство.

— Не узнаете меня? Лорд Арвуд, — представился он, — Я был на вашей свадьбе. Подарил вам набор золотых статуэток. Свадьба была великолепной. Жаль, ваш батюшка не дожил.

Лорд Арвуд... Я смутно помнила этого мужчину, но изобразила улыбку.

— Вы одна? — спросил он, — А где твой супруг?

— У него дела, — кивнула на дверь.

— Ну что же вы стоите здесь в коридоре. Пойдемте ко мне. Угощу вас чаем.

— Ну что же вы стоите здесь в коридоре, — сказал он, жестом приглашая меня следовать за собой, — Это неприлично — заставлять молодую женщину ждать у дверей, как прислугу. Пойдемте ко мне. Я как раз собирался сделать перерыв. Угощу вас чаем. У меня есть отличный сорт — с бергамотом и лепестками роз.

Я опасливо покосилась на дверь, за которой скрылся муж. Он будет недоволен. Это очевидно. Но мне все равно. Это мой шанс что-то узнать. Так что я натянула на лицо искреннюю улыбку, насколько это было возможно, и согласно кивнула мужчине.

— С удовольствием, лорд Арвуд, — сказала, вкладывая в голос нотку признательности, — Я что-то совсем продрогла в этом коридоре.

Он пригласил меня в соседний кабинет. Небольшая светлая комната с высокими окнами, выходящими во внутренний двор.

Лорд Арвуд усадил меня на мягкий диванчик и принялся самостоятельно заваривать чай. Он делал это с неспешной грацией, будто ритуал был для него чем-то важным, почти медитативным.

— Это меня успокаивает, — пояснил он свои действия, заметив мой взгляд, — Знаете, Кассия, когда вокруг столько интриг, иногда так хочется сделать что-то простое и настоящее. Заварить чай. Нарезать лимон. Погладить кота. Увы, кота у меня нет, а чай — есть.

Не часто встретишь мужчину, который сам заваривает чай. Для этого есть прислуга. Но лорд Арвуд, похоже, не принадлежал к тем, кто следует правилам.

Он разлил чай по изящным фарфоровым чашкам, протянул мне одну.

— Как вам семейная жизнь? — спросил он, садясь напротив и смотря на меня поверх своей чашки, — Наверняка ждёте не дождётесь пополнения? Эх, молодость, — он печально вздохнул, предаваясь одному ему известным воспоминаниям.

Я просто кивнула, не отвечая на его вопрос, делая глоток. Чай был действительно хорош — терпкий, с лёгкой горчинкой и долгим сладковатым послевкусием.

— Все же как быстро летит время...

— Лорд Арвуд, а вы... — я сделала паузу, подбирая слова, — Вы поддерживаете моего мужа в Совете?

— Конечно. С вашим мужем теперь нужно дружить, у него теперь два голоса. Того и гляди и возглавит его.

Он засмеялся, но в его интонация я услышала лукавство, скрытую иронию. Это то что мне нужно.

— Тот, кто был с ним не согласен, вскорости будет казнен на главной площади.

— Вы говорите про Монтре?

— Ну про кого же еще? Ваш муж добился своего. Монтре казнят. И никто не посмеет возразить, потому что Монтре — это предупреждение для всех, кто думает, что может перечить вашей семье.

Он сделал еще глоток.

— Но вам не стоит забивать этим голову, — добавил он, откидываясь на спинку кресла, — Это мужские дела. Женщинам не нужно знать все эти жестокие подробности.

Я сжала чашку так сильно, что пальцы побелели.

— Я слишком долго не забивала себе голову, — сказала прямо, глядя ему в глаза.

Лорд Арвуд от неожиданности дернулся и пролил чай себе на брюки. Он чертыхнулся, промокнул пятно салфеткой, но взгляда от меня не отвёл.

— Вы поссорились с мужем, Кассия?

Сейчас или никогда.

— Я хочу развестись, — сказала, и каждое слово давалось с трудом, — Но он против. Филипп переписал всё моё наследство на себя. И я не знаю, как сохранить голос моего рода.

Лорд Арвуд молчал. Его лицо стало серьёзным, почти суровым. Он смотрел на меня и явно взвешивал мои слова, как и свои дальнейшие.

— Кажется, я понимаю, к чему эти вопросы, — сказал он наконец. — И дам вам совет. Бесценный совет, хотя, уверен, что он вам не понравится.

Он поставил чашку на стол, подался вперёд, понизив голос до шёпота:

— Ваш муж возглавляет Тайную канцелярию. У вас нет шансов. Вы вручили ему еще козыри, когда вышли за него замуж. И если хотите остаться живой и продолжить свой род, то...

— Кассия! — дверь распахнулась, — Вот ты где? — Филипп спокойно вошел в кабинет, но я видела, как потемнели его глаза.

Лорд Арвуд недоговорил, но я все поняла. Этот мужчина был прав. Он знал моего мужа лучше, чем я. Лучше той слепой, влюблённой дуры, которая стояла у алтаря и клялась в верности убийце. Мне пришлось пережить собственную смерть, чтобы я узрела истину.

— Прости, — начала я, поднимаясь с дивана, — Я просто разговорила с лордом Арвудом. Он пригласил меня на чай. Я не хотела...

— Не ругайте свою жену, — вступился лорд Арвуд, поднимаясь из кресла и поправляя жилет. Я увидел леди Райвуд в коридоре, одну, без присмотра. Решил, что неприлично оставлять такую очаровательную молодую женщину ждать у двери. Вы же не станете ругать старика за это, Филипп?

— Конечно, нет, Лорд Арвуд. Как ваши дела? Давно вас не видел в Совете. Думал, вы уже совсем отошли от дел.

— Потихоньку. Все идет своим чередом. Что уж мне. Доживаю свой век. Это вам, молодым, дорога.

— Не прибедняйтесь.

— Что уж... Вот батюшки Кассии уже не стало, а он был мой ровесник. Мы вместе начинали в Совете. А теперь его нет, а я всё ещё здесь. Странное чувство, знаете ли. Когда все, с кем ты делил молодость, уже ушли, а ты остался. И остается лишь смотреть на их детей...

И лорд Арвуд так на меня посмотрел, что у меня в груди все оборвалось. Он что сейчас намекает на...

Я замерла, не в силах пошевелиться.

Филипп тоже замер. Я чувствовала, как его взгляд скользнул по мне, а потом вернулся к лорду Арвуду.

— Смерть — это всегда тяжело, — сказал муж, обнимая меня за талию, — Особенно когда она приходит внезапно. Но мы не в силах изменить прошлое. Мы можем только строить будущее.

ГЛАВА 6. Ты не получишь ничего

КАССИЯ

— Кассия, я же просил тебя просто подождать, — стоило нам уйти от лорда Арвуда, и Филипп все же принялся меня отчитывать.

Его слова долетали до меня приглушённо, будто через толщу воды, абсолютно не ранили. Я пропускала их мимо ушей, потому что моя голова была занята совсем другим. Я настолько погрузилась в размышления, что его ругань меркла на фоне того, что ворочалось во мне, поднималось из глубины, требовало выхода.

В голове стоял один вопрос. Он вертелся на языке, свербел, не давал покоя. Мне невыносимо нужно было знать на него ответ.

Это он убил моего отца?

Филипп всё говорил, а я смотрела в пол, на мраморные ступени под своими туфлями. Мы поднимались по широкой лестнице Совета, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Вокруг сновали служащие, мелькали мантии членов Совета, все торопились по своим делам, не обращая на нас никакого внимания.

Я остановилась посреди лестницы.

Так резко, что Филипп, не ожидавший этого, сделал ещё два шага вперёд, прежде чем обернуться. Я стояла на ступеньку ниже и смотрела возвышающегося надо мной на мужа. Я сама его туда воздвигла. И теперь он смотрит на меня сверху вниз, как палач на свою жертву.

Мне хотелось прямо здесь и сейчас узнать. Спросить его прямо, глядя в глаза, не отводя взгляда, не боясь ответа.

— Кассия, что такое? — Филипп нахмурился, и в его голосе появилась настороженность. Он все же почувствовал, что что-то изменилось.

А ведь свой голос он получит не просто женившись на мне. Голос переходит по наследству. И чтобы получить голос моего рода, ему нужно было... чтобы я стала главой рода. А я могла ей стать только после смерти отца. Так просто. Так логично.

Получается, эта смерть была ему выгодна. Не просто выгодна — необходима. Без неё Филипп никогда бы не получил то, ради чего женился. Голос принадлежал бы отцу еще долго.

— Что не так с теми документами? — отчего-то спросила совершенно иное.

Потому что понимала лишь этот вопрос выбьет его из колеи. Если я спрошу про папу, он просто отмахивается, скажет, что я сошла с ума... Возможно, так и есть. Но после вчерашнего я поняла, что Филипп способен на убийство.

Но вопрос про документы... про Монтре... про казнь, которую он так жаждет... это его заденет. Это его заставит показать своё истинное лицо.

— О чем ты? — муж прищурился, — Что тебе наговорил этот старик?

— Он тут не причем... Ты отправляешь человека на казнь, сфабриковав документы, — сказала я громко.

И добилась эффекта.

Лицо мужа переменилось мгновенно. Пропала та снисходительная полуулыбка, которой он награждал меня, когда я задавала «глупые вопросы». Исчезла маска любящего мужа, которую он так старательно носил. Даже настороженность ушла. Осталась только голая, неприкрытая ярость.

Я ухмыльнулась.

Дура? Да!

Хочет, чтобы я молчала, улыбалась, кивала и не задавала вопросов?

Пора брать судьбу в свои руки.

После разговора с лордом Арвудом я поняла, что никто мне не поможет. Все боятся Филиппа. Все предпочитают с ним дружить, а не враждовать. Все смотрят сквозь пальцы на его преступления, потому что он — начальник Тайной канцелярии, потому что у него власть, потому что он может уничтожить любого, кто встанет у него на пути.

Я своим голосом дам ему еще большую власть.

— Что ты несешь? — его лицо было таким злым, настоящим... — Ты понимаешь, что ты говоришь? — прошипел тихо, оглядываясь по сторонам, — Что за такие слова можно...

— Правду, — перебила я. — Я несу правду.

— Заткнись, — прошипел он, делая шаг ко мне, склоняясь надо мной, — Иначе...

На нас начали оглядываться. Людей было не так много, они, конечно, этично отворачивались.

Глава Тайной Канцелярии ругается с женой посреди Совета... Может, это мой единственный шанс — привлечь общественность? Получится ли?

— Иначе что? — спросила, повышая голос. — Иначе убьёшь меня, как моего отца? — проговорила уже сквозь его ладонь на моем рту, — Тебе же ничего не стоит... И всё ради голоса? Как же удачно он умер прямо перед нашей свадьбой.

— Я хотел по-хорошему... — наклонился ко мне, шепча на ухо, — И “да”, я сделаю это так же легко и скажу всем, что ты сама упала с лестницы. Приревновала, устроила скандал... — он поцеловал меня в зажатые губы, — Прощай, любимая, — а затем толкнул, но перед этим я почувствовала, как его магия оплела мне шею... чтобы я точно сломала ее при падении.

— Ненавижу тебя... — проговорила, падая, наблюдая, как он делает вид, что пытается меня поймать, хотя сам и толкнул.

Я опять проиграла ему. В настоящем мне его не победить.

Боль пронзила тело. В этот раз острая и быстрая.

Раз и все потухло.

Меня снова окутывала пустота, но в этот раз я не хотела раствориться в ней. Я желала отомстить. И в груди начинает пульсировать. Кричу, чтобы выдержать эту боль. Голос тонет во времени. Меня снова затягивало и я будто сама помогала.

“Ты не получишь ничего” — одна мысль крутится в голове, а перед глазами начинают проноситься обрывки моей жизни, как череда картинок.

Вот мы стоим на лестнице, вот я пью чай в кабинете лорда Арвуда, вот я в библиотеке...

Его измена. Вивиан, поправляющая платье на выходе из кабинета. Её самодовольная улыбка. Её губы, припухшие от поцелуев...

Наши дни — счастливые, светлые, которые теперь казались насмешкой. Его улыбка за завтраком. Его руки, обнимающие меня за талию. Его шепот в темноте: «Я люблю тебя, Кассия.»

Наша первая брачная ночь...

Свадьба. Цветы. Белое платье.

Я, идущая к алтарю с сердцем, полным надежды.

А потом — вспышка. Белая, ослепительная, режущая глаза.

И здесь все останавливается, я чуть не заваливаюсь от скорости. Но мне помогают удерживать равновесие.

Пульсация в груди чуть стихает, но все еще жжет, еще немного и стошнит.

Я с трудом вскидываю голову. Тонкая фата мешает обзору, но сейчас она кажется мне плотной завесой, отделяющей меня от реальности.

Храм. Высокие своды, витражи, сквозь которые льётся мягкий, разноцветный свет. Жрец в белых ризах. Гости в нарядных платьях и строгих костюмах.

И белое платье. На мне. Пышное с кружевами, с длинным шлейфом, с вышивкой, которую я выбирала так долго и так трепетно.

Я так искренне ненавижу мужчину, стоящего передо мной, улыбающегося, поддерживающего под локоть.

Я желала никогда не быть его женой, и вот судьба предоставила мне этот шанс. Жаль не получилось вернуться когда отец был еще жив...

Филипп стоит передо мной — красивый, улыбающийся, в идеальном чёрном мундире с золотыми нашивками. Его волосы аккуратно зачёсаны, глаза сияют, на губах та самая улыбка, которую я когда-то считала самой прекрасной на свете. Он смотрит на меня с нежностью и любовью, которая оказалась фальшивкой. Ловко подделанной, искусно сыгранной, продуманной до мельчайших деталей.

— Не волнуйся, — шепчет он, наклоняясь ко мне так, чтобы никто из гостей не услышал. — Я рядом. Всё будет хорошо. Я обещаю.

Его голос мягкий, обволакивающий. Так легко обмануться...

Он берёт за руку и на меня накатывает волна отвращения... Он только что столкнул меня с лестницы... Прямо в Совете, не побоявшись, что его обвинят, абсолютно уверенный в своей безнаказанности.

Он знал, что никто не посмеет выступить против начальника Тайной канцелярии. Не найдется желающих рискнуть своей карьерой, репутацией, и, возможно, даже жизнью ради какой-то женщины.

Только я сама должна помочь себе и исправить свои ошибки.

Неужели я смогла вернуться в день нашей свадьбы? На полторы недели назад! В прошлый раз получилось лишь отмотать десять минут. В этот раз, очутившись в темноте, не ждала, когда меня вышвырнет обратно, а сама старалась вернуться. Я хотела этого. Желала всем сердцем.

И пустота ответила. Время сжалось, подчинилось, сложилось в петлю, и я провалилась сквозь него — назад, туда, где всё ещё можно исправить.

— Кассия Уоррен, — слышу я голос жреца сбоку, — Всё в порядке? Можно начинать церемонии? Вы готовы?

Я чувствую, как дрожат колени, как подкашиваются ноги, как пот выступает на лбу, несмотря на прохладу храма.

Готова ли я? Готова ли снова сказать «да» человеку, который меня убьёт? Готова ли повторить ту же ошибку, зная, чем всё кончится? Готова ли снова стать его женой, позволить ему переписать моё наследство на себя, терпеть его измены, его ложь, его руки на моём горле?

Нет. Нет. Тысячу раз нет.

Бросаю взгляд на гостей. Даже нахожу лорда Арвуда. Старик сидит во втором ряду. Сосредоточенно смотрит на нас. В голове вспыхивают его намеки о смерти отца и это придает мне сил.

— Все в порядке. Она готова, — Филипп говорит за меня, так как я не в состоянии быстро ответить.

— Нет... Я плохо себя чувствую, — и это действительно так. Лица гостей сильнее расплываются в цветные пятна, а витражи на окнах сливаются в одно сплошное сияние. Меня тошнит и кружится голова. Это магический откат. Я узнаю это состояние. Все же промежуток времени куда больше прошлого раза, а я и тогда всю ночь мучилась. Это плата за возвращение.

Я не знаю, какова будет цена. Но чувствую, что она будет высокой. Но я готова ее заплатить.

— Кассия, — Филипп подхватывает меня на руки, когда я начинаю заваливаться.

— Сейчас, сейчас, — суетится Филипп, вынося меня из храма через боковой выход, — Я отнесу тебя на свежий воздух. Ты просто перенервничала, дорогая. Это бывает со всеми невестами.

Он усаживает меня на лавочку в тени, откидывает фату, разглядывает лицо.

— Воды, — прошу его и он тут же срывается за помощью, а “поддержать” меня приходит кузина, семенившая за нами следом.

— Платье теперь мягкое, — поправляет подол Вивиан, пока Филипп отошел за водой.

Она хлопочет вокруг меня, как лучшая подруга, как та, кому я доверяла все свои секреты. Она склоняет голову набок, рассматривая меня критическим взглядом, и цокает языком, будто оценивая товар.

— Надо бы снова отгладить перед церемонией, — продолжает она, не замечая, что я вся дрожу. — Не волнуйся, я найду артефакт.

— Давно ты с ним спишь или только собираешься?

Вивиан замирает.

Её пальцы, ещё секунду назад поправлявшие подол, застывают в воздухе. Она очень медленно поднимает голову и смотрит на меня.

На кухне сегодня красивое лиловое платье с глубоким декольте, которое приманит любого мужчину. Открытые плечи, тонкая ткань, облегающая каждый изгиб. Она знает, как выглядеть.

А может, они уже успели сегодня? Перед тем как выйти к алтарю. Смеялись над глупышкой Касси.

— Ты о чём, Касси? — Вивиан распахивает глаза шире, её губы округляются, складываясь в идеальное «о», — Какие ещё «с ним»? Ты о ком вообще говоришь? С чего ты взяла... У меня никого нет.

— Не нужно прикидываться дурочкой, — перебиваю, и в моём голосе появляются металлические нотки, которых не было раньше, — И делать её из меня. Я не настолько глупа, как ты думаешь. Я не настолько слепа, как вам обоим хотелось бы.

Вивиан молчит.

И спустя мгновение её взгляд меняется. Она понимает, что я знаю.

Она выпрямляется, расправляет плечи, и теперь уже не похожа на ту заботливую кузину, которая поправляла моё платье. Теперь она — хищница, которую застали врасплох, но которая ещё не готова сдаваться.

— Не вздумай отменять свадьбу, Касси, — говорит она, и в её голосе исчезает вся приторная сладость. Остаётся только холодная, жёсткая команда. — Не вздумай. Ты слышишь меня? Ты выйдешь за него замуж. Сегодня. Через час. Ты сделаешь это, потому что...

— Потому что ты боишься? Боишься, что он накажет тебя, если я сорву церемонию? — усмехаюсь, и в этой усмешке вся моя боль и ненависть. — Боишься, что он поймёт, что из-за тебя я узнала правду раньше, чем вы оба планировали? Боишься, что он выместит на тебе свой гнев?

Я усмехаюсь, а Вивиан бледнеет. Я вижу, как кровь отливает от её лица, как под глазами появляются тени, как губы сжимаются в тонкую линию. Она гораздо лучше знает моего мужа... жениха. Как же приятно называть его всего лишь “женихом”, его власть больше не распространяется на меня. Я свободна...

— Ты ничего не знаешь, — шипит она.

— О чем не знает? — к нам возвращается Филипп, не дав договорить, и она вздрагивает, — Ты как, милая? Сможешь продолжать? Мы все очень волнуемся. Гости заждались. Жрец уже нервничает.

Он играет роль. Играет идеально. Как всегда.

— Да, мне лучше, — я все еще слаба, магический откат не отпускает так быстро. Мне бы вернуться домой, отлежаться, прийти в себя. Но сейчас главное — как-то выбраться из этого храма и избежать церемонии, которая станет началом конца.

— Ну и перепугала ты меня, — Филипп вздыхает, проводит рукой по моей щеке, — Я сам ужасно волновался. Ты же знаешь, я не могу смотреть, когда тебе плохо.

И я верю.

Верю, что он волновался. Да вот только не за меня. Он переживал, что голос ускользнёт от него, что его план, который он старательно выстраивал, рухнет в последний момент. Это так напрягает, что все его жертвы могут оказаться напрасными.

А ведь голос так рядом... Всего одно моё «да», и он получит то, ради чего женился. Всего одна подпись и я стану его собственностью. Всего один шаг и я потеряю всё, что осталось от отца.

Он на многое готов пойти ради этого голоса. На убийство. На предательство. На ложь. На то, чтобы жениться на женщине, которую не любит. На то, чтобы убить её, когда она станет ненужной.

Я смотрю на его красивое лицо и хочу видеть как оно сейчас изменится.

— Свадьбы не будет, Филипп.

— Совсем плохо? Позвать врача? — Филипп склоняется надо мной, обеспокоенно заглядывая в глаза, — Вивиан, что ты стоишь? Бегом за врачом!

Он бросает это своей любовнице резко, раздражённо, как прислуге, а не как женщине, с которой делит постель. И в этом жесте, в этой интонации вся их связь. Он использует её. Точно так же, как использует меня. Просто для разных целей.

Вивиан вздрагивает, делает шаг к двери, но замирает на месте. Она смотрит на меня, и в её взгляде помимо растерянности смесь страха и ненависти. Она знает, что я знаю. И она не понимает, что я сделаю с этим знанием.

Я смотрю на неё и мысленно ругаю себя. Зря я ей сказала. Не удержала этот яд в себе. Выплюнула правду ей в лицо, как плевок, как пощёчину. А теперь придётся расхлёбывать последствия.

Нужно учиться быть сдержанней. Я два раза умерла и не научилась горьким опытом. Опытенная своей победой, этим возвращением в такой правильный момент времени.

Вивиан порывается что-то сказать, но я не даю ей сделать этого, в голове созрел план.

— Не нужно никого звать. Сейчас отдышусь. Дай мне пять минут.

— Не пугай меня так, Касси, — Филипп протягивает мне стакан с водой и я жадно её выпиваю.

Нужно все сделать как должно.

— Жаль, отец не дожил до этого момента.

Потому что его убил человек, который сейчас держит меня за руку и улыбается мне с такой нежностью, что у меня сжимается сердце.

— Жаль, милая, — Филипп вздыхает, качает головой, делая скорбное лицо, — Но уверен, они с твоей мамой смотрят на тебя с небес. И гордятся тобой.

Какой же лицемер.

Я смотрю на него и даже восхищаюсь его способностью лгать.

Какие сладкие речи. Такие правильные слова. Какая идеальная интонация, ни капли фальши, ни тени сомнения. Как им можно не верить? Как можно было его заподозрить в неискренности?

Он идеально провернул свою игру.

Я улыбаюсь ему.

Принимаю правила его игры.

— Надеюсь, что это так, — говорю, улыбаясь широко, искренне, с надеждой, без фальши.

Я учусь. У меня хорошие учителя.

Поднимаюсь, опираясь на его руку. Ноги дрожат, но держат. Голова кружится, но я не падаю. Выпрямляюсь, расправляю плечи, поправляю фату, которая сбилась набок.

Встречаюсь взглядом с кузиной.

В её глазах смятение, но, похоже, она выдохнула с облегчением, ведь ждала, что я сейчас устрою скандал и Филиппу, потребую с него ответов.

Но мне они не нужны, я теперь знаю правду и так.

Мы возвращаемся в храм. Народ тут же замолкает. Шёпотки, которые гуляли по рядам, пока нас не было, стихают, растворяются в тишине.

Все смотрят на нас. Я чувствую на себе десятки взглядов. Ежусь от этого внимания, но сейчас все собравшиеся мне нужны.

Филипп ведёт меня к алтарю, держа под руку, и помогает занять положенное место, и сам становится напротив.

— Дорогие собравшиеся, — начинает жрец, и его голос растекается по храму, — Мы собрались здесь сегодня, чтобы засвидетельствовать союз двух любящих сердец...

— Филипп Уоррен, согласны ли вы взять в свои законные жёны Кассию Райвуд? Оберегать, защищать, в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас?

Пока смерть не разлучит...

Какая ирония. Какая чудовищная, циничная ирония.

— Да, — отвечает жених, расплываясь в улыбке.

Я усмехаюсь. Он же поклялся перед богами... Он обещает оберегать и защищать того, кого сам же убьёт через неделю.

— А ты, Кассия Райвуд, — жрец поворачивается ко мне, и его голос становится мягче, будто он говорит с дочерью, а не с невестой, — Согласна ли ты взять в законные мужа Филиппа Уоррена? Перейти в род мужа, любить и почитать его, слушаться и доверять ему, в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас?

Я делаю глубокий вдох. Смотрю прямо в глаза Филиппу — тому, кто убил моего отца, кто убил меня, кто разрушил всё, что я любила.

— Нет.

Сначала тихо. Так тихо, что слышу только я и он. Его улыбка замирает. В глазах мелькает недоумение, он не верит своим ушам.

— Что? — шепчет, наклоняясь ближе, будто надеется, что ослышался.

— Я сказала — нет, — повторяю громче. Так, чтобы слышали все.

Гости начинают перешёптываться. Но мне все равно, я сдерживаю улыбку, хотя ужасно хочется засмеяться. Горько и радостно прямо ему в лицо.

— Кассия, прекрати, — Филипп всё ещё улыбается, но улыбка стала натянутой, а в его голосе появляются те самые металлические нотки, — Ты просто переволновалась. Не нужно устраивать спектакль.

— Это не спектакль, — говорю твёрдо. Поворачиваюсь к гостям, ко всем этим людям, которые смотрят на меня с ужасом и любопытством. К тем, кто станет моими свидетелями.

— Я не выйду замуж за этого человека, — объявляю всем, — Я не стану его женой. Ни сегодня, ни завтра, никогда.

Гул голосов становится громче. Кто-то даже вскакивает с места, а некоторые просто смотрят, раскрыв рот. Вивиан блее мела. Она сжимает край платья так, что того и гляди порвёт дорожную ткань.

— Кассия! — Филипп хватается меня за локоть, пальцы впиваются в кожу. Теперь в его голосе не осталось и следа нежности. Только злость и угроза. — Приди в себя. Ты все испортишь.

— Я уже всё испортила, — отвечаю, глядя ему прямо в глаза, — В тот день, когда согласилась на обручение.

Я вырываю руку и ухожу прочь из храма.

— Стой! — Филипп спешит за мной.

— Ты сошла с ума?! Что происходит?! — он догоняет меня, загораживает дорогу, хватается за плечи, встряхивает, будто надеется привести в чувство. — Что я такого сделал, Кассия? Что?! Я любил тебя! Заботился о тебе! Я был рядом, когда тебе было плохо! Я защищал тебя! — он встряхивает меня ещё раз.

Делаю шаг назад, сбрасывая его руки с моих плеч.

— Тебе нужны объяснения? Я все знаю. Все, Филипп.

Он оборачивается на застывшую в зале Вивиан, наверно думает, что дело в ней, вспоминая наш разговор.

— Что она тебе сказала? Она тебе наврала, Кассия. Ты же знаешь Вивиан, она всегда завидовала тебе, и не могла простить, что ты счастливее её. Это всё неправда.

А в кабинете он не оправдывался. Потому что я была уже его собственностью и у меня не было выбора.

И как теперь запереживал, когда ещё не мой муж и когда ему уже ничего не достанется. Как засуетился, забеспокоился, начал искать виноватых.

— Хватит, Филипп. Не трать свое время на ложь. Все кончено.

ГЛАВА 7. Время — река

КАССИЯ

Я бреду до повозок, срываю с головы фату, нахожу праздничный экипаж, который должен был отвезти меня с мужем домой. Но забираюсь в него одна.

Кучер смотрит на меня с недоумением, открывает рот, чтобы спросить, где жених, но я жестом останавливаю его. Мои силы на исходе. Не могу говорить и что-то объяснять.

— Домой, — только и выдавливаю из себя.

Экипаж трогается. Я откидываюсь на бархатные подушки и закрываю глаза.

Возвращаюсь домой свободной.

Мимо проплывают знакомые улицы. Тогда я смотрела на этот же путь и думала о будущем. О том, каким оно будет прекрасным.

Как глупо.

Сейчас я думаю совсем о другом. Сейчас прокручиваю в голове месяцы нашего знакомства, ищу упущенные знаки, намёки, которые не заметила, слова, которым не придавала значения. И нахожу их — десятки, сотни мелочей, которые складываются в одну страшную картину.

Почему он не предложил жить у него? Никогда. Ни разу. Даже не заикался.

Меня никогда это не смущало, думала, что так и надо. Ведь любящие люди не делят имущество, не спорят о деньгах, не переживают о том, кто кому что должен. Я думала, что любовь — это доверие.

Мой мозг был выключен. Я не анализировала, не сомневалась, не задавала вопросов. Просто плыла по течению, наслаждаясь иллюзией счастья.

Как же страшно любить. Ты перестаёшь себе принадлежать. Ты отдаёшь себя другому человеку — целиком, без остатка, без страховки. Ты веришь его словам, обещаниям, данным клятвам. Не видишь лжи, потому что она скрыта за красивой упаковкой. Не слышишь фальши, потому что она заглушена стуком собственного сердца.

Экипаж останавливается у дома. Отцовского дома, который я чуть не потеряла.

Выбираюсь из экипажа, едва держась на ногах.

Меня встречают слуги.

Их лица меняются, они понимают, что что-то не так. Экономка прижимает руки к груди, дворецкий замирает с открытым ртом, горничная шепчет что-то, прикрывая рот ладонью.

— Леди Кассия? — экономка делает шаг ко мне, протягивает руку, но я отстраняюсь.

— Потом, — хрипло, — Всё потом.

Я иду к себе в комнату, и каждый шаг даётся с трудом. Лестница кажется бесконечной, ступени уходят вверх, в темноту. Я держусь за перила, подтягиваю тяжёлое платье, борясь с головокружением.

Мне нужно поспать.

В комнате падаю на кровать, даже не разуваюсь, не снимая платья.

Похоже, управляющий вызвал лекаря. Мне ночью стало плохо. Магический откат вошел в полную силу.

Я сгорала от жара. Всё тело горело, будто меня бросили в печь. Простыни промокли насквозь, волосы слиплись от пота, губы потрескались и кровоточили. Компрессы не помогали, хотя слуги меняли их каждые полчаса, но жар не спадал. Я металась по постели, то засыпая в тяжёлом полубреду, то просыпаясь от собственных криков. Мне чудились голоса — Филиппа, отца, бабушки. Иногда я различала Вивиан — она смеялась где-то в темноте, и её смех был похож на звон разбитого стекла.

Но я, даже будучи в бреду, шептала им только одно: не смей впускать Филиппа в дом, иначе я всех уволю.

А утром все же нахожу его у своей постели.

Солнце только-только начало пробиваться сквозь шторы, и в комнате было серо, неудобно и холодно. Моя голова кружилась, тело ломило, во рту пересохло, и я ещё не до конца понимала, где нахожусь и что происходит. Приоткрыла глаза, ожидая увидеть экономку с подносом или врача с микстурой.

Но увидела его.

Филипп сидел в кресле у окна, положив ногу на ногу, заложив руки на подлокотники, и смотрел на меня — спокойно, внимательно, выжидающе. Он выглядел свежим, отдохнувшим и опасным. В его глазах не было ни следа той паники, что я видела вчера в храме. Только холодная, уверенная в себе сила.

Стон разочарования не удалось сдержать и он всё же срывается с губ. Не хотела показывать свою слабость, но он застал меня врасплох. Надеялась, что меня послушаются. Но они пустили его несмотря на мой приказ.

— Я просила тебя не тревожить меня больше, Филипп.

— Кассия, ты, похоже, заболела? — проговорил он наставническим тоном, не обращая на мое нежелание видеть его.

— Нет. Уходи.

— У меня с Вивиан ничего нет.

— Это неважно, — отрезаю, — Мне всё равно, спишь ты с ней или нет. Дело не в ней. Дело в тебе.

— Ещё как важно, — он перебивает меня, — Моя любимая невеста отменяет свадьбу, а я так и не пойму, что вообще происходит. Я имею право знать, Кассия. Я имею право на объяснения.

— Неприятно, правда? Ощущение, что ты ничего не можешь изменить. Это называется бессилие, Филипп. Попробуй это на вкус.

Он смотрит на меня, и его глаза темнеют. Желваки ходят под кожей.

— Это конец, — продолжаю, — Ты ничего не получишь. Понял? Ни дома, ни наследства, ни голоса. Ничего. Ради памяти моего отца. Я скорее умру, чем позволю тебе забрать то, что ему принадлежало.

Он усмехается. Коротко, сухо, безжалостно.

— Ошибаешься, Кассия, — говорит он, и в его голосе такая уверенность, что у меня мороз идёт по коже, — Я всегда получаю, что хочу. Всегда. Можешь ненавидеть, можешь презирать, можешь проклинать, но я всегда добиваюсь своего. Так было, так есть, так будет.

— Знаю, — киваю, — Но не в этот раз. Тебе лучше уйти и забыть сюда дорогу. Я не изменю решения. Я не выйду за тебя. Не после того что ты сделал...

Филипп встаёт.

Медленно, неторопливо, поправляя манжеты. Заводит руки за спину, смотрит в окно.

— Неожиданно, — говорит он не оборачиваясь. — Я дам тебе два дня, чтобы передумать. Прийти в себя. Остыть. Подумать. А потом ты сама придёшь ко мне и скажешь, что была не права. Не заставляй меня тебя принуждать.

Филипп вышел, оставляя меня с горьким осадком. Не успела я насладиться свободой, как он угрожает мне. Но что он может теперь, не имея надо мной власти? Но все равно тревога поселилась в сердце. Он очень опасен, нельзя расслабляться.

Хватит разлеживаться, нужно найти ту книгу.

Я встала и направилась в библиотеку. Ноги дрожали, вчерашняя слабость ещё не прошла, магический откат напоминал о себе глухой болью в висках и тяжестью во всём теле, но оставаться в постели, лежать и ждать, когда Филипп вернётся с новой угрозой, я не могла.

Но не успела я сделать и трёх шагов по коридору, как из-за угла показалась знакомая фигура.

— Мисс Кассия, — тут же возник управляющий, мистер Ертер, человек, работающий в этом доме со времен моего отца.

— Мисс Кассия, Вам нужен постельный режим, — сказал он, делая шаг ко мне, будто собирался взять меня под руку и увести обратно, — Доктор сказал, чтобы вы принимали лекарства и больше спали. А мистер Уоррен...

— Я запретила вам впускать Уоррена в мой дом, разве нет? — перебила мужчину.

Я говорила резко, но гнев, который копился во мне с самого утра, требовал выхода.

Мистер Ертер вздрогнул. Он не привык, чтобы я говорила с ним таким тоном. Никто в этом доме не привык. Я всегда была мягкой и вежливой.

— Вы были в бреду, мисс, — ответил управляющий, оправдываясь, — У вас был сильный жар, а мистер Уоррен ваш жених. Он имеет право.

— Больше нет, — вложила в свои слова всю твердость, чтобы и не думал больше сомневаться, — Вы ослушались моего приказа, своей хозяйки. Хочу напомнить, что вы работаете на меня, — никогда прежде мне не приходилось быть такой строгой со слугами, тем более с мистером Ертером, который знал меня с детства. Но факт того, что он пропустил Филиппа, очень разозлил.

— Да, мисс... Прошу простить меня, — он больше не стал спорить, а немного склонил голову, как того требовал этикет, — Я не хотел ослушаться. Я думал, что поступаю правильно.

— Этому человеку отныне закрыт вход в мой дом.

— Я понял, мисс Кассия. Этого больше не повторится. Клянусь вам памятью вашего отца.

Я выдохнула. Гнев начал отпускать, оставляя после себя пустоту и усталость.

— Хорошо, — сказала тише. — Ступайте. И передайте остальным, что если кто-то впустит его или еще хуже будет рассказывать что-то обо мне, то сразу будет уволен без выходного пособия.

— Слушаюсь, мисс.

Я понимала, что все бояться Филиппа, учитывая его должность, но в своем доме мне хотелось хоть чуточку защищенности и уверенности, что ему не станут докладывать о каждом моем шаге.

Да, я сейчас выгляжу не в себе. Все обеспокоены. Ни каждый день невеста бросает жениха у алтаря, скорее, случается наоборот. Невесту признают опороченной и оставляют. Мир устроен так, что женщина всегда виновата. Всегда. Если её бросили — значит, она недостаточно хороша. Если она бросила сама — значит, она сумасшедшая или истеричка.

Я в какой-то степени тоже опозорила Филиппа. Может, стоило его прилюдно обвинить в смерти отца, но я так плохо чувствовала себя, перемещение отняло много сил, что уже даже просто срыв церемонии можно было считать победой. К тому же у меня не было доказательств. Ни одного. Только намек лорда Арвуда. Этого мало. Этого недостаточно, чтобы обвинить начальника Тайной канцелярии. Он бы просто рассмеялся мне в лицо, сказал бы, что я больна, и никто бы не усомнился. Мне нужно во многом разобраться.

Но начать все же хотелось со своего дара. Только бы книга была там где я видела ее в будущем.

Хоть и понимала, что ее некому взять, но все равно волновалась.

Спешу к столу, где прошлый раз видела ее.

И не нахожу...

Не может быть! Принимаюсь перебирать книги, что лежат на столе, и выдыхаю. Она просто накрыта другими книгами. Видимо, я в прошлый раз, когда все искала, сама не заметила, как дошла до нее.

Медлю.

Почему-то страшно. Пальцы дрожат, когда касаюсь обложки. Внутри всё сжимается, как перед прыжком в неизвестность. Что, если там ничего нет? Что, если та рябь была игрой воображения? Что, если я просто схожу с ума, и все эти чудеса только плод больного рассудка?

Нет. Не может быть.

Я делаю глубокий вдох и открываю книгу.

Пусто.

Но протягиваю руку, касаюсь страниц и в тот же миг по ним проходит рябь.

Та самая, что я видела в прошлый раз. Серебристая, мерцающая, живая. Буквы начинают проявляться из ниоткуда — одна за другой, строка за строкой, абзац за абзацем.

Я замираю, не в силах оторвать взгляд.

Страницы оживают. Словно кто-то невидимый пишет их прямо сейчас, в эту секунду, макая перо в лунный свет.

“Книга сия открывается только тому, кто носит в себе дар перемещения во времени. Дар сей древен, как сама магия, и редок, как утренняя роса в пустыне. Ты — одна из немногих. Гордись этим. Но и бойся. Ибо великая сила притягивает великие испытания, а свет дара всегда отбрасывает самую тёмную тень.

Тот, кто может читать эту книгу, — Хранитель. И с момента чтения на хранителе лежит тайна молчания. Не рассказывай о даре никому, даже тому, кто кажется тебе ближе всех. Даже тому, чью любовь ты не ставишь под сомнение. Ибо тайна — это щит, и пока ты хранишь её, ты в безопасности. Слово, сказанное непосвящённому, обернётся прахом, и щит твой даст трещину, через которую войдёт беда.

Время — река. Река, которая течёт в одном направлении. Ты можешь плыть по течению, можешь грести против, можешь нырнуть в глубину, где течение слабее. Но помни: лишь сильнейшие пловцы могут переплыть её с одного берега на другой, но также можно уйти в глубину и потерять себя навсегда. Время не терпит суеты. Оно наказывает самонадеянных.

Каждый бросок камня в воду создаёт круги. Круги эти меняют течение. А течение меняет судьбу. Но река не прощает тех, кто пытается остановить её.

Теперь ты отвечаешь за каждый круг, за каждую рябь, за каждую жизнь, что затронуло твоё возвращение.

Ты найдёшь все ответы в этой книге. Не торопись. Не перелистывай страницы в надежде на быструю разгадку. Книга даёт знание только тогда, когда читающий готов его принять.

Читай медленно. Дыши глубоко. Время ждёт. Но не вечно»

У меня перехватывает дыхание.

Я смотрю на серебристые буквы, и они не исчезают.

Значит, я была права, насчет этой книги. Это то, что мне нужно.

ГЛАВА 8. Никто тебя не защитит

КАССИЯ

Я разместилась на диванчике и принялась за чтение, с благоговеньем перелистывая на следующую страницу.

Мне не терпелось узнать хотя бы главное — обязательно ли всегда умирать? И ответ меня ждал в самом начале. И он мне не понравился. Смерть неизбежна. Это своеобразная плата. И только в междумирье, когда душа покидает тело, можно изменить время. В реальности это неподвластно никому.

Но расстроило меня и другое.

«Умереть можно всего три раза».

Три раза... Это не так много. Это меньше, чем я хотела бы. Всего три рывка, три попытки переиграть судьбу. А потом — всё. Дар исчезнет. Я стану пустой. И останусь в той реальности, которую создам своими прыжками — хорошей или плохой.

Не то чтобы я желала умирать часто, но все же не так много. Хотя ещё недавно мне и один раз пугал. Ещё недавно я думала, что смерть это конец. Что после неё ничего нет, а теперь ворчу на то, что подарили целых три жизни. Как быстро привыкаешь к чудесам.

Всё дело было в Богине времени. Её звали Ауриэль, и она была старше самого мира. У неё было три жизни — три ипостаси, три воплощения. Девушка, женщина, старуха. Начало, середина, конец. Прошрое, настоящее, будущее.

Ауриэль подарила три капли своего дара трём драконицам — своим верным спутницам, что охраняли её веками. Драконицы приняли дар, спрятали его в своей крови и передали потомкам. И он может пробудиться в потомках в переломный момент времени. Но не просто так, а если была вопиющая несправедливость. Просто менять судьбу никому не позволено. Богиня жутко ненавидела несправедливость, поэтому подарила таким образом возможность с ней бороться.

Получается... Осталась одна смерть.

Одно возвращение.

Нужно быть осторожной и не упустить возможность. Не потратить бездумно последнюю попытку на что-то мелкое, незначительное, то, что можно было решить без магии.

Если честно, в Совете я поступила глупо. На эмоциях. Вместо того чтобы спокойно осмотреться, найти союзников, собрать информацию, я устроила публичную сцену. Бросила ему вызов там, где он был сильнее всех. Напала на него в его же крепости, среди его же людей, которые боятся его и будут на его стороне.

Нужно было узнать больше. Не лезть на рожон.

Я нахмурилась, пролистывая книгу дальше.

Также я узнала, что далеко прыгать — очень опасно. Чем дальше точка возврата, тем сильнее магический откат. Тем тяжелее телу, тем дольше восстановление. В какой-то момент откат может стать смертельным — дар просто разорвёт Хранителя изнутри, не дав даже шанса на возвращение.

Я расстроилась. Очень. Потому что теплилась надежда вернуться в тот вечер, когда не стало отца. Увидеть его живым. Предупредить. Спасти. Доказать, что Филипп — убийца. Обнять его ещё раз.

Но, видимо, не судьба.

Я бы хотела вернуться и защитить отца. Но боюсь, это слишком далеко, и все может закончиться и моей смертью.

Также говорилось о способах снизить магический откат.

Я провела весь день в библиотеке. Солнце за окнами медленно ползло по небу, а я все читала и читала, делала пометки в блокноте, перечитывала еще раз.

Управляющий заглядывал несколько раз убедиться, всё ли со мной в порядке, жива ли я там. Мистер Ертер принёс прописанные доктором зелья, поставил их на край стола, рядом с пустой чашкой из-под чая, и замер в нерешительности.

— Мисс Кассия, может, вы приляжете? — спросил он осторожно, — Вам нужно отдыхать. Доктор сказал, что постельный режим...

— Я отдохну, когда прочитаю, — ответила, не поднимая головы.

Он не уходил. Я чувствовала его взгляд на своей макушке — тяжёлый, растерянный, встревоженный. Он хотел как лучше, но у меня не было времени на заботу.

— Мисс Кассия...

— Ступайте, мистер Ертер, — сказала я мягче, отрываясь от книги, — Я сама знаю, что мне нужно.

Он поклонился и вышел, оставив меня одну с пузырьками и тяжёлой книгой.

А я снова уткнулась в страницы.

Нужно успеть как можно больше. И быть готовой ко всему.

Оказалось, что я не зря спешила.

На следующий день, когда я взялась за изучение дневников, под самый вечер, явился Филипп.

Я сидела за столом, склонившись над бабушкиными записями, и не сразу услышала шум внизу.

— Мисс Кассия, — начал управляющий, и голос его звучал сдавленно, виновато, — Господин Уоррен ждёт вас в гостиной. Я пытался его не впускать, но он...

— Я поняла, — перебила его, медленно закрывая дневник и убирая его в ящик стола, — Спасибо, мистер Ертер. Я приму его.

Управляющий замешкался на пороге, переминаясь с ноги на ногу, и я увидела в его глазах страх. Он боялся, что сейчас начнётся что-то страшное, и он не сможет ничего сделать.

Я выпрямилась, расправила плечи. Нужно же послушать, что он скажет и чем будет угрожать. Нужно не показать слабость. Поэтому я собиралась как на сражение.

Быстро переоделась в чёрное платье. Длинные рукава, высокий воротник, строгий покрой. Волосы завязала в ровный хвост — гладко, жёстко, без единого выбившегося локона. Я должна выглядеть спокойной, уверенной, неприступной.

Когда я спустилась вниз, Филипп стоял у камина, заложив руки за спину, и смотрел на огонь.

— Милая, — произнёс он, поворачиваясь, и в голосе его звучала лёгкая насмешка, — Ты вновь надела траур? По ком на этот раз? По нашей любви?

Я замерла на пороге, сжимая кулаки.

— Я просила тебя не приходить больше, Филипп. Мой дом для тебя закрыт.

Его лицо было спокойным, даже расслабленным, но глаза... глаза горели холодным, бешеным огнём. Он смотрел на меня так, будто раздевал взглядом, словно оценивал, насколько я сломана, будто искал трещины в моей броне.

— А я просил тебя хорошенько подумать, — сказал он, делая шаг ко мне, — Прежде чем снова нести всю эту чушь. Нельзя взять и просто выставить меня идиотом перед всем светом. Ты думала, что это сойдёт тебе с рук?

Ещё шаг. Я не отступила. Смотрела ему прямо в глаза.

— Ты опозорила меня, Кассия. Сотня гостей, члены Совета...

— Ты это заслужил.

Он усмехнулся — коротко, зло.

— Заслужил? — Филипп сократил расстояние, навис надо мной, загоразивая свет, схватил за руку.

— Отпусти меня, — прошипела, пытаясь отдернуть руку.

— Иначе что? — его пальцы сжались сильнее, — Не глупи, Кассия. Ты в моей власти. Ты всегда была в моей власти. И ты никто. Тебе никто не поможет. Не хочешь по-хорошему — значит, будет по-плохому. Я умею убеждать.

— В этом ты специалист, — выплюнула я.

— Да, — он склонил голову, и его губы тронула усмешка, — Сочту за комплимент.

Я резко дёрнулась, вырываясь, но он держал крепко.

— Мистер Ертер! — крикнула громко, так, чтобы голос разнёсся по всему дому. — Попросите кого-нибудь из Управления! Пусть зафиксируют угрозы!

— Ты действительно хочешь, чтобы твои слуги расплачивались за тебя? — спросил он тихо, почти ласково, — У Ертера прекрасная дочь. Молодая, красивая, воспитывает троих детей. Муж у неё — простой рабочий. Как будет горько оставить их сиротами...

Я похолодела. Кровь отлила от лица, пальцы похолодели.

— У всех есть слабые места, — продолжил он, наклоняясь к моему уху. Его дыхание обжигало кожу, — Семья — идеальный рычаг манипулирования. Если ты хочешь себе проблем, Кассия, то не создавай их другим.

— Вон пошёл! — крикнул он громко, обращаясь к управляющему, который замер в дверях с бледным, перекошенным от страха лицом.

Мистер Ертер вздрогнул. Он смотрел на нас растерянный и испуганный. Он боялся.

— Никто тебя не защитит, — Филипп снова повернулся ко мне, наконец отпуская мою руку, — И если ты хочешь нормально жить...

— Жить? — внутри закипала ярость, — Да ты убьёшь меня, как только получишь голос. Не притворяйся, что я тебе нужна живая.

— Не скрою, пробежала такая мысль, — его глаза блеснули. — Но всё будет зависеть от твоей покладистости. Если ты будешь хорошей женой... — начал он старую песню.

— Убирайся, Филипп. Ты меня не запугаешь. Моего отца ты убил. У меня теперь нет слабых мест. Мне нечего терять.

— Ооо, — протянул он удивлённо, прищурившись, — Откуда такие глубокие познания? Кто тебе рассказал? Или сама догадалась?

— Не всё ты знаешь, — ответила холодно.

— Куда тебе против меня тягаться? — он рассмеялся, — Что ты можешь? Ни денег, ни власти, ни связей. Одна. В пустом доме. Со слугами, которые боятся меня больше, чем тебя.

Он сделал паузу, посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Говоришь, я убил твоего отца, — продолжил он задумчиво, — Знаешь, а ты натолкнула меня на отличную идею...

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Завтра тебя саму обвинят в его смерти, — его глаза блеснули в полумраке, — Ты, не дождавшись наследства, решила избавиться от отца. Подсыпала яд. Ты убила его, чтобы получить голос и состояние. А бедный Филипп, твой жених, узнал правду и отказался от свадьбы. Отличная история, правда? Все поверят. У меня есть люди. У меня есть документы. У меня есть свидетели.

— Что ты несёшь? — прошептала, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Думаю, за решеткой ты станешь куда сговорчивее.

ГЛАВА 9. Побег

КАССИЯ

Я метаясь по комнате. Из угла в угол, не нахожу себе места.

“Тебе никто не поможет...”

Слова Филиппа впились в меня, как занозы. Они сидят под кожей, зудят, болят, не дают забыть о себе.

Нужно бежать.

Прямо сейчас. Собрать самое необходимое и уехать — куда глаза глядят, подальше от этого дома, от этого города, от этого человека.

У меня осталась всего одна возможность вернуться в прошлое, и я собираюсь прибегнуть к ней на самый крайний случай. Если сама не справлюсь. Хватит рассчитывать только на дар. Пора брать в себя в руки и действовать. Без магии возвращений, без надежды на чудо. Понимаю, что меня вели эмоции, они застилают глаза, мешают мыслить здраво, толкают на необдуманные поступки. В Совете я сорвалась, наговорила лишнего, устроила сцену, поставив себя под удар.

Мне не удаётся держать рассудок холодным. Отсюда все проблемы.

Но удастся ли мне бежать?

Он поймает меня и усадит за решетку, как и обещал, и будет медленно и долго надо мной издеваться, пока я не сдамся. Дождется состояния когда я буду на все согласная. Он сможет. Стоит вспомнить его взгляд... И умереть он мне не позволит. Теперь он как раз заинтересован в обратном, пока не получит то что ему нужно.

Что остается? Отдать голос и потом сбежать? Ни за что! Может проще просто умереть и забрать с собой этот голос... Этот простой способ решения забирается в голову холодной липкой субстанцией, и мне с трудом все же удастся вытравить его оттуда.

Он найдет другую жертву и точно так же будет ее мучить. И никто не остановит его, потому что я умру, а он останется.

Я не могу этого допустить.

Но как справиться с ним?

Мне нужна помощь.

“Тебе никто не поможет...”

Филипп — Глава Тайной канцелярии. Это серьезная должность, он наделен такой властью... Все его бояться... И все предпочитают с ним дружить, а не воевать. Но должны же быть у него враги? Он не мог не нажить их... Кто-то должен его ненавидеть. Кто-то должен ждать момента, чтобы ударить.

И тут в памяти встает только одно имя.

Дамиан Монтре.

Точно, Монтре!

Человек, которого Филипп ненавидит больше всех. Человек, которого он приговорил к казни.

И пока он жив — Монтре для него опасен. Совсем скоро Филипп расправится и с ним, но возможно я смогу предотвратить это и обрести в его лице союзника.

Монтре — враг моего врага. А значит... мой друг?

Он как никто должен быть заинтересован, чтобы свергнуть Филиппа с пьедестала. Иначе Филипп скоро его убьёт. Как только Совет поставит подпись.

Мужчина не знает об этом, а Филипп уже плетёт свою паутину, готовит документы. Нужно рассказать ему, предупредить, и попытаться договориться.

Больше не мешкая и не раздумывая бросаюсь в свою комнату. Беру все деньги. Если ничего не выйдет, то я все же попытаюсь сбежать. К книгам и дневникам бросаю в сумку несколько вещей на сменку.

Меня не останавливает, что сейчас ночь. Нормальные люди в такое время спят, набираются сил перед новым днём. А я снова импульсивна. Опять действую стихийно, на эмоциях, не просчитав ходов на несколько шагов вперёд. И уже знаю, что, может быть, очень скоро пожалею об этом. Но сейчас у меня нет выбора.

— Мисс Кассия, что случилось? — перед выходом меня замечает управляющий. Я вздрагиваю, оборачиваюсь. Мистер Ектор стоит в дверях гостиной, сжимая в руке подсвечник с одиноко горящей свечой.

— Вы куда посреди ночи? — спрашивает он обеспокоенно.

— Если кто-то завтра придет, скажите, что я сплю, — говорю вместо ответа на его вопрос, — Что мне стало плохо и вы снова вызвали врача.

Он понимает, что я имею в виду Филиппа. Кивает. Быть может, это немного задержит его, если он бросится на мои поиски.

— До свидания, мистер Ектор, — прощаюсь с мужчиной и выбегаю из дома.

Именно «до свидания», потому что хочу вернуться. Надеюсь на это.

Ночь встречает меня холодом и сыростью. Недавно прошёл дождь. Ежусь. Мостовая блестит в свете фонарей, лужи отражают звёзды, но мне не до красоты. Мне холодно и страшно. Никогда не любила ночь.

Я знаю где живет Дамиан Монтре. Все знают его особняк на отшибе. Род Монтре всегда живет там в отдалении от всех, чтобы не навредить своей темной магией остальным.

Говорят, сам дом пропитан колдовством, что все Монтре опасны. В газете мужчину называли чудовищем.

Но мне всё равно. Чудовище — тот, кто убил моего отца, тот, кто дважды забирал мою жизнь. Сейчас я боюсь Монтре меньше, чем Филиппа. И направляюсь именно к нему, полная решимости.

Я перехожу на другую сторону улицы, ускоряю шаг. Впереди перекрёсток. Нужно свернуть налево, потом направо, потом пройти через сквер... Я прокручиваю в голове маршрут, который набросала в спешке, когда собиралась.

И в какой-то момент, когда оборачиваюсь, вижу его.

Мужчина. Он движется за мной, держась на расстоянии, но не отставая. Он не скрывается и не прячется. Идет уверенно, уверенный, что жертва никуда не денется.

Холодок пробегает по спине.

Я уверен, это человек Филиппа. Кто же ещё?

Вряд ли кому-то ещё понадобилось следить за мной посреди ночи.

Значит, он всё же приставил кого-то приглядывать за мной, чтобы я не наделала глупостей и не сбежала.

Вот же...

Как я и думала: он не так прост. И даже запугав меня, пригрозив тюрьмой, он не понадеялся на мою трусость. Филипп предусмотрел всё. Он закрыл все пути к отступлению. Оставил мне иллюзию свободы и приставил соглядатая, чтобы я не сделала ничего, что могло бы ему навредить.

Никогда прежде я не скрывалась. Никогда не убегала от погони, не петляла по улицам, пытаясь сбить след. Я была послушной дочерью, примерной невестой, идеальной женой. Я всегда шла прямой дорогой, не сворачивая, не оглядываясь.

И сейчас я не знаю, как от них скрыться. Не знаю этих улиц так хорошо и не представляю где можно спрятаться. Где потеряться или переждать?! Моё сердце бешено колотится, дыхание сбивается, а руки дрожат.

Я бежала, не разбирая дороги, пока впереди не показалась парочка мужчин. Они стояли у фонаря — двое, в дорогих пальто, с сигарами в руках, явно не из простых. Аристократы, которые загуляли допоздна и теперь не торопились по домам, наслаждаясь ночной прохладой.

Я подбежала к ним.

— Помогите, пожалуйста, — выпалила я, — Меня преследует какой-то мужчина. Он идёт за мной уже несколько кварталов. Мне нужно где-то укрыться, спрятаться...

Оглянулась через плечо. Фигура в темноте приближалась. Не бежала, не спешила, но не отставала.

Мужчины переглянулись. Один — высокий, с усами, в модном сюртуке — явно был навеселе. Щёки покраснелись, глаза блестели, и он смотрел на меня с ленивым интересом человека, которому некуда спешить.

— Подождите, мисс, — протянул он, окидывая меня медленным взглядом, — Весьма своеобразный способ знакомиться. Не могли бы вы представиться? Кто вы? И кто вас преследует?

Его приятель усмехнулся, выпустил облако дыма и тоже не выглядел встревоженным. Скорее, заинтересованным, как будто ночное приключение разнообразило его скучную жизнь.

— Мне не до знакомства, — снова оглянулась. Мужчина уже почти догнал меня — я видела его силуэт в нескольких десятках метров. Он сбавил ход, просто наблюдая за мной. — Мне нужно от него спрятаться. Пожалуйста, помогите. Я не знаю этих улиц. Я не знаю, где можно укрыться.

Усатый задумался, почесал подбородок, потом махнул рукой куда-то вперёд.

— За поворотом есть одно укромное местечко, — сказал он доверительным тоном. — Там вы сможете смешаться с толпой. Никто вас не найдёт. А мы его тут призадержим, поболтаем немного. Заодно узнаем, чего он к вам прицепился.

Я выдохнула с облегчением.

— Спасибо, — выдохнула, уже собираясь бежать дальше, — А что за дом? Как я его узнаю?

Усатый усмехнулся, прищурился. Его приятель кашлянул, пряча улыбку.

— Там стоят пару девушек, весьма призывно одетых, — сказал он, растягивая слова. — Не перепутаете.

И тут до меня дошло.

Дом утех. Он отправил меня в публичный дом.

— В такое время все приличные заведения уже закрыты, — усмехнулся мужчина, окидывая меня понимающим взглядом, — А это открыто круглосуточно. И там не задают лишних вопросов.

Он сделал паузу, докурил сигару, бросил окурочек на мостовую и раздавил каблуком.

— Или оставайтесь с нами, — добавил он со снисходительной улыбкой. — Мы вызовем кого-нибудь из Управления. Пусть разберутся. Если у вас правда проблема, а не просто способ привлечь внимание.

Я замерла.

Никто из Управления мне не поможет. Вернут домой — в лапы Филиппа. Сделают вид, что ничего не произошло, что я — сумасшедшая истеричка, которая сама не знает, чего хочет.

— Не нужно... — говорю, отступая на шаг.

— Как хотите, мисс, — пожимает плечами усатый. — Удачи вам. И будьте осторожнее — ночные улицы опасны для красивых девушек.

Я толком не поблагодарив, направляюсь в указанном направлении и сразу замечаю девушек.

Они стоят у входа, под красным фонарём. Их трое — в ярких платьях, с открытыми плечами, с подведёнными глазами и губами, которые кажутся неестественно алыми в этом тусклом свете.

Я еще раз оборачиваюсь, преследователя не видно, наверно, мужчины, как и обещали, задержали его. Я не медлю, захожу в заведение.

Заведение встречает меня теплом, табачным дымом и запахом дешёвых духов. Доносится приглушенная музыка, одна девушка играет на рояле в углу. Лампы под потолком прикрыты абажурами из красной ткани, и свет разливается по комнате кровавым отливом. Не верится, что я здесь. В месте, куда приличные женщины не заходят даже днём, а ночью — тем более. Ещё неделю назад я бы покраснела от одной мысли, что переступлю этот порог. Но какой у меня был выбор?!

Я делаю ещё шаг, вглядываясь в полумрак, пытаюсь понять, куда идти, к кому обратиться.

— По поводу работы? — голос звучит внезапно, прямо передо мной.

Я вздрагиваю. Передо мной вырастает фигура — высокий, плечистый мужчина с широкими плечами и тяжёлым взглядом. Он одет в чёрную рубашку с расстёгнутым воротом, обнажающим мощную шею, и тёмные брюки. Его руки скрещены на груди, и он смотрит на меня сверху вниз — оценивающе, спокойно, почти безразлично.

— Что-то не похоже, — добавляет он, окидывая меня медленным взглядом.

— Да, — говорю уверенно. Голос почти не дрожит. — Мне нужно поговорить с хозяйкой. Это срочно.

Он молчит несколько секунд, изучая меня.

— Пойдём, — кивает он куда-то в сторону лестницы, — Она наверху. Но предупреждаю: если ты из Управления или от прессы — вылетишь отсюда быстрее, чем вошла.

— Я не из Управления, — говорю тихо. — Я просто...

Замолкаю, не знаю, что сказать.

Мы поднимаемся на второй этаж. Останавливаемся у двери, обитой красным бархатом.

— Жди здесь, — бросает мужчина и исчезает внутри.

Я остаюсь одна в полумраке. Прижимаюсь спиной к холодной стене, зажмуриваюсь, пытаюсь унять дрожь в коленях.

— Заходи, — слышится женский голос.

Комната хозяйки оказывается просторной, даже уютной, не похожей на то, что я ожидала увидеть. Тяжёлые портьеры на окнах, пушистый ковёр на полу, старинный письменный стол, заваленный бумагами. На стенах картины, в углу камин. Здесь пахнет дорогим табаком и сушёными травами. И женщина, сидящая в кресле, вполне соответствует этой обстановке — немолодая, но ухоженная, в тёмно-бордовом платье, с белоснежными аккуратно уложенных волосах и тяжёлым взглядом, который, кажется, видит насквозь.

— Что привело тебя сюда? Явно не работа.

— С чего вы решили?

— Да от тебя правильностью за версту несёт, — усмехается она, поправляя кружево на вороте, — Такие, как ты, не приходят сюда по доброй воле. Ты мужика-то голого видела? — усмехается она.

Её вопрос звучит так буднично, так обыденно, что я на секунду теряю дар речи. В другое время я бы покраснела, опустила глаза, пробормотала что-то невнятное. Но сейчас мне не до стыда.

— Видела, — отвечаю, глядя прямо на неё, — Не на что там смотреть.

Хозяйка замирает, а потом разражается искренним смехом.

— Значит, не там смотрела, — качает она головой, вытирая выступившие слёзы, — Ладно, девочка. Кто ты? И что здесь забыла? Времени у меня мало, гостей много. Говори коротко и по делу.

— Мне нужно было скрыться и переждать, — говорю правду, — У меня есть деньги. Я заплачу. Можно?

— От кого скрываешься? — переспрашивает она, — Нам проблемы не нужны. Я не собираюсь рисковать своим заведением ради какой-то беглянки. Стой-ка... — она вдруг замирает, всматриваясь в моё лицо, — Кого-то ты мне напоминаешь.

Её взгляд падает на стол, где среди бумаг лежит свежая газета. Я прослеживаю за ним и вижу знакомую физиономию — Филипп Уоррен собственной персоной, в парадном мундире и той самой идеальной улыбкой, которая теперь вызывает у меня тошноту. Крупный заголовок: «Скандальная отмена свадьбы. Невеста главы Тайной канцелярии сбежала из-под венца!»

Хозяйка поднимает газету, переводит взгляд с фотографии на меня и обратно. Её усмешка становится шире.

— А вот же ты, — говорит она, откладывая газету. — Та самая скандальная невеста. Не ожидала увидеть тебя здесь, в моём скромном заведении. И что же, твой жених оказался не таким идеальным, как писали газеты?

Что тут скажешь, она права.

Женщина молчит несколько секунд, разглядывая меня. Потом кивает, будто подтверждая какую-то свою мысль.

— Тебе повезло, что ты заглянула к нам, а не в заведение на соседней улице, — отчего-то смеётся она.

Я не понимаю, что здесь смешного.

— Почему? — спрашиваю осторожно.

— Потому что его держит твой ненаглядный женишок. Вся недвижимость в этом квартале принадлежит ему. Через подставных лиц, конечно, но я-то знаю. Я здесь давно, девочка. И уши у меня длинные.

У Филиппа свой бордель? Я не удивлена — нет, после всего, что я узнала, меня уже ничем не удивить. Но осознание того, что он контролирует даже такие места, вызывает новую волну отвращения.

— Сама раскрыла глаза, аль кто помог?

— Сама... Так вы мне можете?

— Деньги вперёд, — отрезает хозяйка, — Здесь не благотворительность. Не приют для благородных девиц, сбежавших от женихов.

Я киваю, чувствуя, как внутри поднимается облегчение. Хотя бы не выгоняют.

— Сколько нужно? — спрашиваю, уже доставая кошелек.

— А сколько не жалко за свою свободу? — она усмехается, наблюдая за мной. — Цену называй сама. Но помни, защита стоит дорого.

Я протягиваю ей увесистый мешочек с золотыми, — это треть суммы, что взяла с собой.

— У меня будет ещё одна просьба...

Женщина удивленно поднимает брови, ее лицо становится жестче. Знаю, что наглею. Но что делать.

— Вы можете кого-нибудь послать за Дамианом Морте? Мне нужно с ним поговорить.

— А что за ним посылать? Похоже, у тебя сегодня удачная ночь, — расплывается она в улыбке, — Он в соседней комнате. Хорошо проводит время.

В этот момент за стеной раздаётся протяжный женский стон, не оставляющий сомнений в том, чем именно может быть занят Дамиан Монтре.

— Можешь присоединиться к ним. Будет с чем сравнить.

ГЛАВА 10. Пойманная птичка...

КАССИЯ

— Темные маги умеют приносить не только несчастья, но и удовольствие. Этого у них не отнять, — продолжает насмехаться надо мной женщина, — В отличие от светлых, которые думают только о себе. Они привыкли чтобы его доставляли им. И, видимо, у тебя с этим проблемы дорогая, раз ты не устроила своего ненаглядного женишка, — она бьет прямо в цель, в голове сразу всплывают его слова о том, что я “бревно”, так что хорошо что я и так пунцовая, — Может, как раз подучишься у наших девочек. Ну или же займи правильную сторону. Хотя по нашей жизни нужно уметь и то, и то.

У женщины своеобразный юмор и я даже почти не обижаюсь. И, возможно, она права и в друг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.